

Михаил Тамоев

ПЯТНАДЦАТЬ ЗИМ

2026

Михаил Тамоев

Пятнадцать зим

<https://litres.ru/74631473>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятнадцать зим одиночества в глухой уральской тайге приучили бывшего военного инженера Андрея рассчитывать каждый шаг. Но когда он спасает измождённую беглянку Анну, за ними следом отправляется беспощадный отряд карателей из каторжного лагеря. Спасаясь от погони в условиях свирепого арктического бурана, герои совершают изнурительный марш-бросок к заброшенному подземному бункеру специального назначения. За глухими советскими гермодверями они находят спасительное тепло, Госрезерв и запускают консервационные дизельные генераторы. Когда замерзающий враг пытается штурмовать вентиляционную шахту, инженерная мысль превращает укрытие в непреодолимую ловушку для преследователей. Отрезав себя от внешнего хаоса, Андрей запускает магистральную радиостанцию дальней связи и сквозь белый шум прочистившегося эфира ловит первый живой сигнал — далёкий набатный голос деда Громова, собирающий уцелевших.

Михаил Тамоев

Пятнадцать зим

Глава 1. Засада у яра

Тьма в землянке не была черной — она имела густой, си-невато-серый оттенок застоявшегося подземелья.

Первым восстанавливался слух. Не зрение, не осязание, а именно слух, обостренный пятнадцатью зимами непрерывного прислушивания к лесу. Андрей лежал неподвижно под тремя слоями изношенных, тяжелых, как сырая глина, овчинных тулупов и слушал. Лес снаружи молчал, но это было не доброжелательное молчание покоя, а давящая, звонкая тишина вымороженного насквозь пространства, когда мороз за окном опускается ниже тридцати пяти градусов и сухой сосновый ствол растрескивается вдоль волокон с коротким, сухим звуком, похожим на пистолетный выстрел.

Где-то под самым скатом крыши, в пакле между венцами, тихо трещал вымороженный сверчок. Он жил там уже третью зиму подряд — единственный живой свидетель того, что внутри этого бревенчатого склепа все еще держится крошечный пятак человеческого тепла.

Андрей медленно вытащил руку из-под тулупа. Воздух в землянке был настолько плотным и ледяным, что пальцы мгновенно занемели, будто их погрузили в сухую крошеную

наледь.

Иней на бревнах потолка образовал за ночь пушистую, бахромчатую шубу. При каждом глубоком выдохе изо рта вырывался густой, серый клочок пара, который тут же выпадал на шерстяное одеяло микроскопическими кристалликами льда.

Справа, у самого подножия нар, слышалось тяжелое, шуршащее движение.

Джек проснулся. Пес не вскочил, не начал потягиваться — за долгие годы в тайге он усвоил главное правило выживания в морозной норе: не делать ни одного резкого движения, пока воздух не прогреется хотя бы у пола. Пес просто перевернулся с боку на бок, глубоко и со свистом вздохнул и ткнулся влажным, горячим носом в голое запястье Андрея.

— Живой, — прохрипел Андрей.

Голос прозвучал чуждо, шершаво, как хруст сухой бересты под каблуком. За долгие дни молчания связки слипались, языковые мышцы отвыкали от сложной артикуляции, и каждое слово приходилось выталкивать из гортани с физическим усилием.

Он нащупал на низкой табуретке у изголовья деревянную плашку с зачищенным березовым росчерком, коробок со спичками и старый кусок каленого сурикового мела.

Каждое утро начиналось с одного и того же ритуала. Андрей поднялся на локтях, шипя от судороги, сжавшей промороженную поясницу, и провел мелом свежую вертикальную черту на опорном лиственном столбе, подпиравшем конько-

вый прогон.

Черта получилась неровной, дрожащей. Она стала четырехтысячной восемьсот девяносто второй.

Четыре тысячи восемьсот девяносто два дня. Пятнадцать лет без трех месяцев.

Срок, за который средний городской квадратный метр успел бы покрыться тремя слоями пыли, переехать в другие руки или сгореть дотла вместе с серверами, базами данных, регистрами собственности и самой памятью о том, что когда-то существовал Государственный реестр.

Андрей спустил ноги с нар. Его ступни, закрученные в обрывки войлока и перевязанные ремешками из сыромятной лосиной кожи, коснулись земляного пола. Пол был холоднее льда — земля промерзала вокруг подножия землянки на полтора метра в глубину, и только толстая подушка из сухой хвой и засыпанного сверху древесного угля спасала ноги от мгновенного отморожения.

Печь находилась в двух шагах. Это была кустарная, но монументальная конструкция: чугунная панель от старой совхозной плиты, врезанная в основание из красного обожженного кирпича, который Андрей три лета подряд таскал на горбу с руин животноводческой фермы за восемнадцать километров отсюда.

Он опустился на колени перед поддувалом.

Пальцы действовали вслепую, повинаясь рефлексам, доведенным за полтора десятка лет до абсолютного совершен-

ства. В темноте он нащупал на печном уступе металлический короб из-под датского печенья. Внутри лежали заготовки: сухие, тонкие, как папиросная бумага, ленты березовой бересты, заготовленной в середине июля, когда сок уже ушел в корни, и кучка «смоляка» — мелко наколотой сосновой лучины, пропитанной смолой так густо, что она казалась янтарной и тяжелой.

Андрей чиркнул спичкой.

В Новом Мире спички были ценнее серебра. У него осталось всего три коробка из тех сорока, что он успел унести из разграбленного сельпо в ноябре тридцать первого года. Поэтому он зажигал их только тогда, когда пальцы от холода полностью теряли чувствительность и не могли выбить искру из кресала.

Серная головка вспыхнула с коротким, сухим шипением, озарив землянку резким, мертвенно-синим светом.

В этот краткий миг выхватился весь его мир: бревенчатые стены, потемневшие от смолы и копоти; полка с аккуратно расставленными стеклянными банками, в которых хранились сушеные лисички, чага и мелкая сушеная пескарская рыбешка; ружье ИЖ-27 на кованых гвоздях; и тяжелый, обтянутый дерматином инженерный планшет, лежащий на столе под берестяным абажуром.

Язычок пламени переметнулся на бересту. Она мгновенно свернулась в тугую, чернеющую трубку, изошла густым, сладостно-смолистым дымом и принялась жадно поедать сос-

новые лучинки.

Андрей осторожно, едва дыша, чтобы не сбить неокрепший огонь, заложил в топку первые три березовые плашки. Дерево было сухим, выдержанным под навесом два года. Оно отозвалось на тепло радостным, чистым треском.

Печь ожила.

Выюшка гулко ухнула, затягивая морозный воздух через приточную трубу, и по землянке поплыл первый, самый главный запах выживания — запах горячей березовой коры, древесного угля и сухой кирпичной пыли.

Андрей сел на корточки прямо перед открытой дверцей топки, протянув заскорузлые, покрытые глубокими черными трещинами ладони к оранжевому зеву пламени.

Джек подошел сзади, положил свою тяжелую, с седеющей мордой голову ему на плечо и ткнулся горячим дыханием в шею.

— Сейчас, друг, — шепнул Андрей, глядя пса по жесткому, заиндевевшему за ночь загровку. — Сейчас прогреем коробку. Попьем кипятку. Посмотрим, что там на южной просеке.

Он смотрел на то, как огонь быстро и бескомпромиссно уничтожает березовые волокна, превращая их в алый, светящийся изнутри пепел, и думал о том, что человеческий мозг устроен удивительно паршиво.

За пятнадцать лет он смог забыть таблицы интегралов, которыми когда-то оперировал на работе в НИИ. Он забыл но-

мера телефонов родителей, зашифрованные в памяти с детства. Он забыл вкус свежего белого хлеба, запах бензина на заправке и ощущение чистого хлопкового постельного белья после горячего душа.

Но он никак не мог забыть тот самый последний вторник октября тридцать первого года.

День, когда в серверной их института одновременно погасли все индикаторы бесперебойников. Не просто выбило пробки или отключилась подстанция. В воздухе завис странный, сухой гул — звук, с которым разряжаются миллионы конденсаторов по всей планете, пока каскадный вирус, внедренный в первичные прошивки контроллеров, выжигал кремниевые кристаллы, превращая всю цивилизованную инфраструктуру в миллиарды тонн бесполезного пластикового и цветного лома.

В тот день Андрей был ведущим инженером системы навигационного контроля. У него был диплом с отличием, служебная квартира в центре города и новенькая иномарка в кредите.

Через три недели у него остался только рюкзак с инструментом, старое отцовское ружье и спасающийся от голодных стад горожан щенок, которого он подобрал у брошенного гастронома.

Печь гудела все сильнее, посылая в тесную коробку землянки волны сухого, спасительного тепла. Иней на бревнах потолка начал таять, превращаясь в блестящие тяжелые кап-

ли, которые с тихим падающим звуком — кап, кап, кап — брызгали на сухой земляной пол.

Вода в закопченном чугунном котелке закипела через полчаса. Она не бурлила весело, как на газовой конфорке в прежней жизни, а поднималась снизу тяжелыми, словно маслянистыми пузырями, выталкивая на поверхность темную, смолистую пену.

Андрей бросил в кипяток горсть сушеной чаги, три растертых между ладонями сухих плода шиповника и щепотку заготовленной с лета сосновой хвои. Запах сырого подвала в землянке окончательно уступил место терпкому, почти лекарственному аромату.

Это был его утренний рацион — жидкость, дававшая иллюзию сытости и теплоту, распространявшуюся по пищеводу до самого желудка. К отвару полагался кусочек вяленого пескаря — сухой, как березовая подложка, пластинки, которую приходилось разжевывать минут десять, прежде чем во рту появлялся солоноватый вкус рыбы.

Андрей ел медленно, сидя на краю нар и уставившись в одну точку на кирпичном боку печи.

Дневной калораж в Новом Мире рассчитывался им с точностью до грамма. Инженерное прошлое не умерло, оно просто сменило предмет учета: вместо пропускной способности каналов и энергопотребления стоечных серверов Андрей вычислял КПД собственного тела. Человек в условиях тридцатиградусного мороза при интенсивных физических нагруз-

ках расходует от четырех до пяти тысяч килокалорий в сутки. Чтобы получить эту энергию из зимнего леса, нужно либо ежедневно добывать крупного зверя — что в одиночку без собаки и при ограниченном запасе патронов равносильно самоубийству, — либо тратить минимум движений на каждую технологическую операцию.

Каждый лишний шаг по глубокому снегу без лыж — минус пятьдесят килокалорий. Каждая неловкая рубка сухой березы, когда топор вязнет в мерзлой древесине, — минус тридцать. Ошибка в расчете теплоизоляции землянки — дополнительный расчехленный мешок с крупой за месяц.

— Ешь, Джек, — Андрей бросил псу сушеный лосиный мосел с остатками хрящей.

Пес ловко цапнул кость на лету, унес в угол под нары и загрохотал челюстями, дробно и ритмично разгрызая промерзшую ткань.

Пора было выходить наружу.

Подготовка к выходу из землянки зимой напоминала надевание скафандра перед выходом в открытый космос. Андрей начал с ног. На босые ступни, покрытые слоем сухой мозолистой кожи, наматывались портянки из тонкого шерстяного сукна — старого шинельного материала, выменянного еще в тридцатый год у кочевников за два набора отверток. Сверху натягивались вторые портянки, из промасленной фланели. Затем ноги вставлялись в «поршни» — самодельную обувь из сыромятной лосиной кожи, подшитую сни-

зу толстыми полосами войлока, срезанного со старых валежков.

Сверху натягивались стеганные ватные штаны, затягивавшиеся на талии кожаным шнуром, и суконная куртка-кухлянка с капюшоном, подбитая изнутри заготовленным кроличьим мехом. Последним штрихом был тяжелый лосиный тулуп, подпоясанный широким ремненным патронташем.

Перед тем как открыть внутреннюю дверь, Андрей натянул на лицо вязаный подшлемник, оставив только узкую щель для глаз.

Вход в землянку был организован по принципу шлюзовой камеры. Первая дверь — тяжелая, из трехслойной сосновой плахи, обитого войлоком, — вела в крошечные, темные сени длиной в два метра. Там хранились широкие лыжи-походники, лопаты, запас сухих дровишек на случай метели и стояли пустые ведра. За сенями располагалась вторая дверь, выходящая в наклонный бревенчатый ходок, прикрытый снаружи плетеным щитом и засыпанный плотным, слежавшимся сугробом.

Андрей отодвинул внутреннюю задвижку, с хрустом выбил плечом примерзшую дверь и шагнул в сени.

В нос ударил концентрированный, ледяной воздух. Он отличался от атмосферы внутри землянки так же, как чистый спирт отличается от разбавленного кваса. Это был абсолютный, обессоленный, стерильный холод, в котором не выживали бактерии и где любые запахи мгновенно застыва-

ли, превращаясь в невидимые ледяные кристаллы.

Он отодвинул наружный щит и выбрался на поверхность.

Свет ударил по глазам с такой силой, что под подшлемником мгновенно выступили слезы, тут же замерзшие на ресницах колючими капельками. Андрей зажмурился, подождал несколько секунд и медленно разжал веки.

Лес встречал его безупречной, звенящей чистой белизной.

Землянка располагалась на склоне небольшого песчаного увала, густо заросшего вековыми соснами и елями. Снизу, метрах в трехстах, пролегало русло замерзшей речушки, занесенное волнистыми барханами снега. На крыше землянки надуло почти двухметровый сугроб, из которого торчал только искривленный коленообразный патрубок трубы из оцинкованного железа.

Первым делом Андрей подошел к трубе.

Из нее не шел густой валящий дым, который в прозрачном зимнем воздухе виден за пять километров. Из патрубка вырывалось лишь едва заметное, дрожащее марево горячего воздуха. Сухая береза и сосновый смоляк, сгоревшие в правильной пропорции при отрегулированной подаче кислорода, не давали копоты.

Чисто, — отметил Андрей. — Дым рассеивается в кронах сосен, не оседая сажей.

Он обошел холм по периметру.

Это был ежедневный осмотр фортификации. За ночь у

подножия увала не появилось новых следов: ни волчьих цепочек, пробивающих наст, ни сухих строчек кунных прыжков, ни — что было важнее всего — четких, тяжелых вмятин от широких охотничьих лыж человека.

В Новом Мире следы человека были опаснее следов любого хищника. Рысь или стая волков уйдут, чую запах железа и пороха. Человек, ищущий чужой дым, придет именно на запах железа.

— Пошли за сушью, — сказал Андрей выскочившему вслед за ним Джеку.

Пес закрутился в свежем снегу, погружаясь по самую холку, радостно фыркая и выбивая носом белые фонтаны. Для него этот мороз был родной стихией, естественным состоянием мира, в котором не было воспоминаний о чистом асфальте и теплых батареях центрального отопления.

Андрей встал на широкие лыжи, подклеенные снизу камусом — жесткой шкурой с лосиных голеней. Камус работал как идеальный реверсивный клапан: при движении вперед ворс гладко скользил по насту, а при попытке отката назад жесткие волоски впивались в снег, позволяя без труда подниматься на самые крутые склоны.

Он направился в глухую балку, где три года назад буря повалила десяток старых сухих сосен.

Заготовка дров в тридцатиградусный мороз — это особое искусство, требующее от человека абсолютной концентрации. Ошибка при ударе топором на таком морозе может

стать фатальной: сталь топорика становится хрупкой, как стекло, и при неверном угле касания мерзлого сучка от него может отскочить крупный осколок, или, что хуже, лопнет само топориком из тополевого или березового комля.

Андрей выбрал стоячую сухую сосну метров пятнадцати высотой. Дерево давно умерло, но кора с него полностью облетела, а древесина под воздействием ветров и солнца выморозилась до состояния кости.

Он сбросил тулуп на снег, оставшись в суконной кухлянке, чтобы не вспотеть. Вспотеть на морозе — значит подписать себе смертный приговор: сырое белье мгновенно остынет при первой же паузе, и замерзание начнется изнутри, от самого тела.

Первый удар топора отозвался звонким, сухим гулом, разнесшимся по замерзшему лесу.

От комля отскочила крупная, плоская щепка, янтарная на сколе и пахнущая сухой канифолью.

Андрей работал ритмично, подчиняя дыхание каждому маху. Вдох — подъем топора над правым плечом, выдох — хлесткий, падающий удар под углом в сорок пять градусов. Выемка подруба расширялась споро. Древесина под лезвием не поддавалась мягко, как летом, а скалывалась с хрустальным треском.

Через пятнадцать минут ствол вздрогнул.

Верхушка сосны медленно накренилась, прорезая ветвями застывший воздух, со скрежетом зацепила соседнюю ель

и с тяжелым, глухим уханьем рухнула в глубокий сугроб. Снежная пыль поднялась над балкой высоким белым столбом, медленно оседая в солнечных лучах.

Джек даже не повернул головы — он привык к этому звуку. Пес сидел на пригорке, внимательно сканируя ушами и носом открытое пространство к югу.

Андрей опирался на топориче, тяжело и часто дыша. Пар от его дыхания белым облаком повис в воздухе. Сердце стучало в ребра ритмично и мощно, перегоняя по жилам горячую кровь.

В такие минуты он чувствовал себя абсолютно живым.

Все фантомы прошлой жизни — неоплаченные счета, нереализованные проекты, лица давно умерших коллег, шум вечернего мегаполиса — рассыпались, уступая место чистой физике выживания. Существовала только эта упавшая сосна, этот топор, этот свинцовый наст и необходимость наколоть два чурбака, чтобы принести их к печи до того, как сизые сумерки накроют тайгу.

Он нагнулся, очищая комель сосны от снега, чтобы разметить кряжи.

И в этот момент Джек тихо, коротко рыкнул.

Это не был лай на белку или поскуливание от холода. Это был низкий, вибрирующий звук, идущий из самой глубины грудной клетки — звук, означавший только одно: чужой запах.

Андрей мгновенно замер. Напрягшись, он медленно вы-

прямился, не выпуская из рук топора, и перевел взгляд туда, куда были направлены острые уши пса.

На юг. К старой просеке электропередач.

Замирание было моментальным, рефлекторным. В мире, где отмена законов цивилизации возвращает человека в пищевую цепь, пауза между подозрительным звуком и движением означает границу между жизнью и быстрой, непрощающей смертью.

Андрей не повернул головы резко. Он лишь замедлил дыхание, позволяя морозному воздуху тонкой, ледяной струйкой проникать сквозь шерстяную ткань подшлемника, и медленно, без единого металлического щелчка, опустил топор лезвием в мягкую снежную подушку.

Деревянное топорище легло на его колено. Пальцы в тяжелой рукавице сжались на березовом комле так, что побелели костяшки.

Джек застыл в полуметре от него. Холка пса поднялась жестким, зубчатым гребнем, губы слегка приподнялись, обнажая желтоватые, с налетом клыки, но ни единого звука — ни поскуливания, ни рыка — больше не вырвалось из его пасти. Пес знал правила игры. Он смотрел строго на юг, туда, где за густым ельником пролежала старая советская просека линии электропередач — тридцатиметровая просека, расщелившая тайгу от самого горисполкома бывшего райцентра и уходившая за синеющие увалы.

В вымороженном воздухе не было слышно ничего, кро-

ме тихих, хрустальных щелчков — это остывал срубленный ствол сосны. Но сам воздух изменился.

В нем проскользнуло едва уловимое колебание — не запах, не звук, а физическое ощущение присутствия посторонней массы в абсолютном ничто. Так птицы чувствуют приближение грозового фронта за десятки километров, когда барометрическое давление едва начинает свое падение.

Андрей медленно опустился на правое колено, утопая в сугробе по самое бедро.

— Лежать, — едва шевельнув губами, сформировал он звук без дыхания.

Джек мгновенно осел в снег, растворяясь в белой крупе.

Первым делом Андрей замаскировал свежий сруб. Яркая, желтая, как яичный желток, древесина свежей сосновой щепы на фоне белого наста горела в зимнем лесу, как сигнальный костер. Он нагреб саперной лопаткой широкую плашку рыхлого снега, присыпал подруб на комле, утоптал его рукавицей и сверху бросил пару еловых лап. Поверхностному наблюдателю со стороны балки теперь казалось, что дерево просто рухнуло от тяжести налипшего наста и старого бурелома.

Затем он надел тулуп, не продевая рук в рукава, а набросив его на плечи, как плащ. Трофейный пистолет-пулемет «Кедр», короткий, тяжелый, с потертым металлическим прикладом, уже висел на его шее на брезентовом ремне. Андрей снял предохранитель. Сухой, четкий щелчок затвора

потонул в густом шерстяном воротнике.

Движение к просеке заняло двадцать минут.

Это не была спешная рысь. Андрей двигался так, как ходят рыси на охоте: шаг — пауза в пять секунд, во время которой взгляд сканирует пространство по дуге в сто восемьдесят градусов, затем второй шаг. Камус на лыжах работал бесшумно, но даже этот едва слышный шелест ворса о наст казался Андрею в звенящей тишине леса оглушительным грохотом.

Он обошел балку по дуге, держась за стволами вековых елей, чьи нижние ветви провисали под тяжестью снега до самой земли, образуя естественные непроницаемые ширмы.

Просека открылась внезапно.

Когда-то, в советскую эпоху, по ней стояли высокие стальные опоры высоковольтки. Сейчас от них остались лишь изувеченные ржавые пасынки, выпирающие из сугробов, да покосившиеся деревянные столбы с обрывками алюминиевого провода, запутавшегося в кронах молодой березовой поросли.

Андрей залег на гребне песчаного бруствера, заваленного мощным вывороченным пнем лиственницы.

Он вытащил из внутреннего кармана кухлянки старый советский монокуляр восьмикратного увеличения. Металлический корпус жег пальцы через шерсть рукавицы. Чтобы линза не запотела от горячего дыхания, Андрей прижал окуляр к глазу, затаив дыхание и выпуская пар в сторону, через

угол подшлемника.

Картинка в окуляре дернулась, обрела четкость.

Просека была пуста. Белое, ослепительно-серое полотно снега, рассеченное кое-где редкими строчками лисьих следов. Наст казался нетронутым.

Но Андрей не торопился опускать оптику. Он знал, что неискушенный глаз ищет в лесу силуэт человека — стоящего, идущего, выделяющегося темным пятном на белом. Лесной глаз ищет прямые линии и неправильные тени. В природе нет идеальных прямых линий, кроме тех, что оставляет за собой человеческий инструмент.

И он увидел ее.

Метрах в трехстах к югу, у самого края березовой поросли, наст был перерезан.

Это была не старая, занесенная ночной метелью канавка. Это была свежая, жесткая, ровная линия, выбитая в слежавшемся снегу не более двух часов назад. Широкая траншея — сантиметров сорок в ширину, с рваными, не успевшими закристаллизоваться краями.

След шел с юга на север. Он огибал подножие увала и вел прямо в сторону его, Андрея, речного каньона.

Андрей почувствовал, как внутри у него все сжалось в ледяной, тугий узел.

За пятнадцать лет его землянка, похороненная под трехметровым слоем дерна и сугробов, ни разу не привлекла чужого внимания. Для редких бродяг и кочевников, промыш-

лявших вдоль старого тракта в ста пятидесяти километрах к востоку, этот таежный массив считался мертвым, вымороженным углом, где нет ни добычи, ни руин, ни складов.

Он сполз с бруствера назад, в чащу, дождал Джека и на коленях подобрался к самому краю траншеи.

Анатомия следа рассказывала историю без слов, на сухом и жестоком языке фактов.

Андрей опустил на корточки, снял рукавицу и осторожно, едва касаясь пальцами, ощупал структуру снега внутри отпечатка.

Шел один человек.

На нем были не профессиональные охотничьи лыжи-походники с камусом, а кустарные, сбитые из широких сосновых дранок полозья, обтянутые сырой конской шкурой. Волок был глубоким, рваным, неровным. Правая лыжа постоянно подворачивалась внутрь, оставляя на боковой стенке траншеи глубокий зазубренный задир.

Человек ранен или смертельно утомлен, — мгновенно оценил Андрей. — Нога заваливается на внешний край. Шаг короткий, всего сантиметров сорок. Человек не скользит, он с трудом волочит ногу за ногой, опираясь на одну длинную палку.

Но самым страшным было не это.

В трех метрах позади первого следа, точно по его руслу, шли еще две цепочки.

Другие лыжи. Заводские, узкие, подкованные стальной

полосой по канту — армейский или полицейский стандарт. Шаг этих двоих был широким, размашистым, быстрым. Они не ломали наст, а неслись по нему с уверенной, хищной грацией людей, которые знают, что их жертва обречена и выдохнется на ближайшем подъеме.

У одного из преследователей на конце правой лыжной палки отсутствовало кольцо-ограничитель — штырь вонзался в снег на всю глубину, оставляя рядом с траншеей ровные, круглые дыры, похожие на проколы от лома.

«Старание».

Это слово вспыхнуло в сознании Андрея с отчетливостью раскаленного клейма.

Он знал о них. За эти пятнадцать лет до его угла долетали редкие, жуткие слухи. В двухстах километрах к югу, на базе бывшего исправительно-трудового комплекса и цементного завода, образовалась структура, назвавшая себя «Старанием». Они не строили новый мир и не пытались восстановить старый. Они создали жесткую, рабовладельческую систему, заточенную под одну задачу — выжимать ресурсы из замерзшей земли руками пленников.

Те, кто попадал в их лапы, жили в среднем две зимы. Они вторыми и третьими номерами крутили ручные приводы на рудниках, валили лес вручную и обжигали известь в открытых печах. Для контроля использовалось горячее клеймение — буквы «СТ» на левой щеке — и постоянные карательные патрули, прочесывавшие прилегающие леса на снегоступах

и легких лыжах.

Загонщики Рогожина. Бывшие браконьеры, егеря, уголовники, продавшие свою лютость и знание тайги за пайку технического жира и право убивать любого, кто не имеет клейма.

И они были здесь. В его лесу. В полутора часах ходу от землянки.

Андрей поднялся с колен. Его лицо под подшлемником превратилось в сухую, застывшую маску.

Беглец шел вслепую, пробиваясь сквозь бурелом по инстинкту, выбирая наименьшее сопротивление рельефа. Если он продолжит двигаться вдоль южного склона увала, через двадцать минут он выйдет прямо к речному каньону. К тому самому месту, где у Андрея стоят настороженные петли на зайцев и где над обрывом поднимается прозрачное марево от его печи.

Загонщики настигнут бегльца у самого песчаного яра.

Если они убьют его там — или, что еще хуже, заберут живым, — они неизбежно осмотрят окрестности. Они увидят следы лыж Андрея, увидят подрубленную сосну, увидят вентиляционный патрубок.

Его пятнадцатилетний мир, его убежище, его одиночество — все это было поставлено под удар чужой, смертельной драмой, разворачивающейся на этом белоснежном полотне.
— Назад, — тихо скомандовал Андрей Джеку.

Они не стали пересекать след. Андрей аккуратно, исполь-

зую длинную сосновую ветку, замел свои собственные следы под бруствером, лег на обратный курс и скользнул в густые сумерки ельника.

Нужно было успеть к землянке раньше, чем погоня выйдет к яру.

Сражение за его дом уже началось, хотя нападавшие еще даже не подозревали о его существовании.

Возвращение к землянке было быстрым, но лишенным суеты. В морозном лесу суета порождает ошибку, а ошибка приводит к неконтролируемому потоку пота, который через пятнадцать минут превращается в ледяную корку под одеждой. Андрей шел широким, стелющимся шагом, аккуратно выбирая места с ровной снеговой подушкой и избегая надувов, где камус мог выдать резкий сухой хруст.

Прибыв к увалу, он первым делом затушил печь.

Это была отработанная схема. Он перекрыл нижнее поддувало кирпичной заслонкой, оставив лишь микроскопическую щель для минимальной тяги, и засыпал тлеющие березовые угли толстым слоем сухого древесного угля из железного бака. Уголь не давал пламени, он медленно тлел без дыма, отдавая чистое, тепло без запаха. Любой охотник или загонщик, оказавшийся в сотне метров от трубы, чует дым от свежих березовых или сосновых дров мгновенно — сырой смолистый выхлоп оседает в нижних слоях морозного воздуха и держится часами. Древесный уголь не оставлял в воздухе никакого следа, кроме легкого, едва уловимого каления.

Внутри землянки установился полумрак.

Андрей опустился на колени у оружейного сундука, стоящего в углу под нарами. Этот сундук — тяжелый, обитый стальной лентой цинк из-под аэродромного оборудования — был его главным арсеналом и его главной тайной.

Он достал двустволку ИЖ-27. Старое, отцовское ружье с воронеными стволами 12-го калибра было вычищено и смазано веретенным маслом, разбавленным очищенным керосином, чтобы механизм не заклинило на тридцатиградусном морозе. Андрей щелкнул рычагом запираания, переломил стволы и заглянул в зеркальные каналы. Ни единой соринки.

Он достал из патронташа два самодельных патрона. Латунные гильзы, переснаряженные уже в пятый раз, блестели от частой протирки суконкой. Капсюли «Жевело» были запарафинены по краям для защиты от влаги. Внутри — навеска бездымного пороха «Сокол» и крупная картечь диаметром восемь миллиметров. Чтобы заряд шел кучнее, картечь была залита парафином с добавлением мелко просеянной древесной золы.

Два выстрела, — подумал Андрей, досылая тяжелые цилиндры в патронники и с сухим, плотным щелчком закрывая ружье. — На близкой дистанции картечь пробивает ватник вместе с кожаным тулупом и костями. Но у них автоматы.

Он взглянул на лежащий на столе пистолет-пулемет «Кедр».

Этот ствол он снял с мертвого сотрудника инкассации в ноябре тридцать первого, когда на выезде из города три инкассаторские машины застряли в заторе и были расстреляны толпой из засады. К «Кедру» оставалось всего четыре рожковых магазина по двадцать патронов 9х18. Патроны были старыми, пятнадцатилетней давности, с сероватым налетом окиси на латунных гильзах. Каждый выстрел из него был роскошью, которую Андрей не мог себе позволить последние пять лет.

Он вставил магазин до характерного металлического щелчка, оттянул затворную раму назад, досылая патрон в патронник, и поставил оружие на предохранитель.

— Джек, — тихо сказал он, поворачиваясь к псу.

Пес сидел у порога, вытянувшись в струну, и не сводил с хозяина карих, налитых умной и тревожной тоской глаз.

— Ты остаешься здесь. Сидеть. Тишина.

Пес тихо поскулил, опуская морду на лапы, но подчинился. Оставить собаку в засаде означало рисковать ее жизнью: от запаха чужой крови или резкого звука механизма даже самый выдрессированный таежный пес может выдать позицию тихим рыком или движением.

Андрей забрал из угла короткую саперную лопатку, проверил натяжение ремня на «Кедре», перекинул ИЖ-27 через плечо и выскочил в сени, заперев внутреннюю дверь на дубовый засов.

Песчаный яр представлял собой обрывистый берег речно-

го каньона, где течение на повороте вымыло глубокую промоину, заваленную вековым буреломом и вывороченными соснами. Выход из яра был идеальной естественной ловушкой: любой человек, идущий по руслу речки или вдоль южного склона увала, неизбежно упирался в крутой десятиметровый обрыв, занесенный глубоким, сыпучим снегом.

Чтобы обойти яр, беглецу пришлось бы подняться на гребень — прямо под прицел загонщиков, или спуститься на лед реки, где он становился идеальной мишенью на открытом пространстве.

Андрей устроился на высоком гребне яра, в глубоком снежном гнезде под корнями огромной вывороченной сосны.

Место было выбрано с инженерной точностью. Корни дерева образуют естественный бруствер, защищающий от ветра и бокового обзора. Перед ним — весь спуск к реке и выход из ущелья как на ладони. Расстояние до противоположного края промоины — сорок пять метров. Для картечи 12-го калибра это предельная, но убойная дистанция; для «Кедра» — зона уверенного поражения.

Он выкопал лопаткой углубление в насте, выложил дно сухими еловыми ветками, чтобы не передавать тепло тела снеговому панцирю, и лег на живот.

Двустволку он положил перед собой на мягкую лапу ельника. Затвор «Кедра» накрыл полы тулупа — если на вороненый металл попадет снег от дыхания, он мгновенно пре-

вратится в лед и заклинит автоматику в самый ответственный момент.

Началось ожидание.

Ожидание на тридцатиградусном морозе в неподвижном состоянии — это физиологическая пытка, требующая от человека отключения нервной системы. Сначала холод начинает ласково гладить пальцы ног. Затем он медленно, сантиметр за сантиметром, поднимается по голеням, вгрызается в колени и наливает поясницу тупой, тянущей болью.

Через двадцать минут кажется, что внутренние органы начинают покрываться тонкой ледяной корочкой.

Андрей заставил свой мозг переключиться в режим замедленного ритма. Он считал удары собственного сердца, совмещая их с дыханием: один вдох на шесть ударов, задержка дыхания на четыре, выдох на шесть. Это позволяло удерживать температуру тела и предотвращало мелкую дрожь в руках — главную проблему стрелка на морозе.

В голове мыслей не было. Только воспоминания, всплывавшие медленными, серыми отрывками.

Он вспомнил свой последний разговор с женой за день до того, как связь окончательно легла. Она была в командировке в Москве. Телефонные помехи трещали в динамике, как сухая береста в печи, голос прерывался, а потом оператор произнес сухую автоматическую фразу: «Направление недоступно. Ошибка маршрутизации».

Ошибка маршрутизации. Словосочетание, которое стало

эпитафией для тридцати миллионов человек, застрявших на замерзающих высотах без света, воды и канализации.

Он не знал, жива ли она. Он знал только, что первые три зимы в крупных городах выкосили до девяноста процентов населения от голода, тифа и банд, деливших остатки складов.

Снег перед его лицом внезапно дернулся.

Из чащи у противоположного края яра вывалился человек.

Он не шел — он падал.

Человек пробивал наст грудью, тяжело и судорожно выгребая снег перед собой занемевшими руками в рваных шерстяных варежках. На нем не было лыж — одну он потерял полкилометра назад, а вторая, сломанная пополам, моталась за его левой ногой на веревочном обрывке.

Человек был одет в грязно-серый ватник со следами гари на рукавах и рваную шапку-ушанку, завязанную под подбородком грязным бинтом. Каждое его дыхание вырывалось из груди с гулким, сипящим свистом, похожим на звук работающих дырявых кузнечных мехов.

Андрей замер, припав глазом к кромке песчаного бруствера.

Беглец дошел до середины промоины, оступился в глубокую снежную яму и рухнул ничком. Он попытался подняться, опираясь на обломанную палку, но руки соскользнули, и он бессильно уткнулся лицом в жесткий наст.

Затем он медленно перевернулся на спину и откинул шапку.

Андрей осторожно поднес монокуляр к глазу. В окуляре проступило лицо. Это была женщина.

Ей было не больше тридцати пяти, но лицо ее выглядело застывшим, перекошенным от смертельного утомления и холода. Губы были сплошь покрыты черными заскорузлыми трещинами, скулы обтянуты сухой, заветренной до красноты кожей. Но главным было другое.

На ее левой щеке, резко выделяясь на побледневшей от мороза коже, темнело раскаленное клеймо — рваные буквы «СТ», въевшиеся в мясо и зажившие грубым, бугристым рубцом.

«Старание». Она сбежала из каторжного лагеря.

Женщина лежала в снегу, глядя в серое, мертвое небо, и ее грудь вздымалась все реже и реже. В ее глазах не было паники — там застыло то самое абсолютное, равнодушное смирение человека, который понимает, что его ресурс исчерпан до самого дна, и следующий вдох может стать последним.

А через три минуты из той же чащи, бесшумно и ритмично скользя по лыжне, вышли трое загонщиков.

Трое загонщиков не скользили по насту — они перли сквозь него с тупой, выверенной годами жестокостью.

Первым шел высокий, сутулый мужчина в промасленной армейской бекеше с оторванным воротником. Его лицо, насколько Андрей мог разглядеть в восьмикратный моноку-

ляр, было сплошь заросшим густой, седой от выдыхаемого инея бородой, из-под которой хищно и узко поблескивали маленькие, заплывшие от постоянного сощуривания глаза. Это был старший — по осанке, по тому, как дерзко и привычно он держал на весу укороченный пистолет-пулемет с вытертым металлом на затворной коробке, и по тому, как уверенно его широкие сосновые лыжи ломали ледяную корку.

За ним следовали двое молодых парней, невероятно похожих друг на друга — угрюмые, лопоухие, с заветренными до темных корост щеками. У одного через плечо висела старая курковая двустволка, у второго — короткий карабин СКС с затертым до желтизны деревянным прикладом.

Они остановились у самого края промоины, не доходя пятнадцати метров до неподвижно лежащей в снегу женщины.

— Замятина свежая, — сказал старший. Голос долетел до Андрея сквозь звенящую тишину морозного воздуха отчетливо, с тяжелым, хриплым пригаром прокуренных легких. — Сдохла, сука. Не дотянула до речки.

— Да кабы не притворялась, батя, — буркнул старший из парней, вытирая рукавицей ватника замерзшую соплю под носом. — Они ушлые, лагерные. Заляжет в сугроб, а потом в спину шилом из гвоздя ткнет. Давай я из карабина ей в затылок добавлю, чтоб не встала?

— Патроны не жги, Гришка, — старший загонщик сплю-

нул на наст сероватый сгусток. — Патрон денег стоит. Она вон вся синяя, у нее пальцы на ногах еще под просекой отпали. Сними с нее тулуп, да клеймо срежь для коменданта, чтоб за отчет сошло.

Он сделал шаг вперед, перехватывая пистолет-пулемет удобнее.

Андрей прижал приклад пистолета-пулемета «Кедр» к правому плечу.

В этот момент в его голове происходил скрупулезный, сухой расчет. Никакой жалости, никакого рыцарства или гуманизма, смытого пятнадцатую зимами одичания, в нем не было. Вся его математика сводилась к банальной векторизации угроз.

Если загонщики доберутся до женщины, они проведут на этом пятаке еще минут двадцать. Они будут срезать клеймо, снимать обувь, курить. За эти двадцать минут их глаза, привыкшие к белой пустыне, неизбежно упрутся в песчаный яр. Они увидят подрубленную сосну в балке. Они увидят ровную линию его камусовых лыж, которую не успел занести слабеющий вечерний ветродуй. Они пойдут по следку и через полчаса уткнутся в маскировочный щит землянки.

Свидетелей в Новом Мире не оставляли не потому, что были злы, а потому, что живой враг — это постоянная величина расхода ресурса: патронов, нервов, времени на ожидание мести.

«Три цели. Расстояние — сорок два метра. Перепад вы-

соты — восемь метров сверху вниз. Ветер боковой, слабый, справа налево, около двух метров в секунду».

Первым выстрелом нужно было сломать волю и убрать старшего — единственного, кто понимал, как вести бой в зимнем лесу.

Андрей плавно выдохнул. Указательный палец в тонкой кожаной перчатке лег на передний спусковой крючок. Навеска бездымного пороха «Сокол» в латунной гильзе за пятнадцать лет не потеряла своих свойств, но требовала упреждения на затяжной выстрел в две сотых секунды — капсюль «Жевело» на морозе срабатывал чуть ленивее.

Прицельная планка накрыла серо-желтую бекешу старшего загонщика аккуратно под левую лопатку.

Спуск был сухим и коротким, как перелом сухого березового сучка.

Звук выстрела 12-го калибра в промерзшем лесном каньоне был похож на взрыв фугаса. Мощная ударная волна сорвала сосновые шапки с ветвей над головой Андрея, засыпав его ледяной крупой. В темноте под корнями вспыхнул длинный, ослепительный малиновый факел.

Крупная картечь, залитая парафином, прошла эти сорок метров единым сплошным кулаком.

Старшего загонщика ударило в спину с такой физической силой, будто в него на полном ходу врезался тяжелый лесной нарт. Его бекеша в районе левого плеча и груди взорвалась клочьями суконной ваты, сырой овечьей шерсти и крас-

ной мороженой крошки. Мужчину сбило с лыж, развернуло в воздухе и с тяжелым, глухим уханьем бросило навзничь в глубокую снежную яму у подножия обрыва.

— Батя! — взвизгнул младший, бросаясь ничком в наст и закрывая голову руками.

Старший сын, Гришка, ослепленный вспышкой и оглушенный ревом эха, раскатившегося по руслу речки, панически вскинул свой карабин СКС. Его руки дрожали, палец судорожно рвал спуск.

Одиночные пули калибра 7,62 со свистом и сухим треском впились в гранитный песчаник и древесину вывороченного пня в метре над головой Андрея. Срезки сучьев и ледяная пыль секли его по лицу, но он даже не зажмурился.

Он дождался десятого выстрела — момента, когда затвор карабина со звонким металлическим щелчком встал на затворную задержку. Патроны в неотъемном магазине кончились.

Андрей не стал перезаряжать двустволку. В его левой руке уже лежал легкий, вороненый «Кедр».

Он перевалился через бруствер, встал на одно колено прямо на краю обрыва, выставив ствол короткого автомата вперед, и дал короткую, экономичную очередь из трех патронов прямо под ноги Гришке.

Свинцовые пули 9х18 взрезали наст перед лыжами парня, взметнув высокий, двухметровый веер жесткой ледяной крупы. Одна из пуль со скрежетом чиркнула по металличе-

ской полосе кантовки, заставив Гришку отпрянуть назад и с диким криком выпустить пустой карабин из зачочневших пальцев.

— Оружие на снег! — Голос Андрея, усиленный акустикой скального яра, прозвучал не как человеческий. Это был сухой, раскатистый рык самого леса, не знающего пощады. — Второго срежу в голову!

Младший загонщик, лежавший у ног рухнувшего отца, забился в сугроб по самые уши. Он судорожно, со слезами и соплями, размазываемыми по лицу, вытолкнул из-за спины свою курковку и поднял вверх руки в рваных голицах.

— Не стреляй, дядь! Не стреляй, миленький! — заверещал он, задыхаясь от панического ужаса. — Мы уедем! Мы случайно! Мы по следу шли!

Гришка стоял на коленях, плевался снегом и кровью от рассеченной ледяным осколком губы и не сводил глаз с темного, дымящегося ствола «Кедр», направленного ему точно между глаз.

— Отца на волокуши, — холодно и чеканно произнес Андрей, сходя с гребня обрыва по наклонному снежному шлейфу. Каждый его шаг был тяжелым и размеренным. — Оружие оставите у сосны. Если через три минуты я услышу хоть один звук или увижу ваш след севернее речки — догоню и положу обоих в болоте. Пошли!

Парни, скуля, цепляясь за кусты и ломая лыжные палки, бросились в яму.

Они надрываясь, с диким гиканьем и молитвами, выволокли стонущего, окровавленного отца из снежной ямы. Старший был еще жив — тяжелый ватник и толстый слой овчины приняли на себя основную массу рассеявшейся картечи, но левая рука его была превращена в кровавое месиво, а из пробитого плеча толчками выхлестывала темная, густая на морозе кровь. Они уложили его на волокуши, замотали рваным одеялом и, спотыкаясь в глубоком снегу, потащили сани назад по своей же траншее на юг, даже не оглядываясь.

Андрей стоял у яра с пистолетом-пулеметом на полусогнутых руках до тех пор, пока шум их панического бегства, хруст ломаемых веток и далекие крики полностью не потонули в гулком шуме нарастающего вечернего ветра.

Шум утих.

В каньоне снова воцарилась абсолютная, звенящая тишина.

В воздухе пахло сгоревшим бездымным порохом, резким кисловатым запахом озона и горячим, еще не остывшим железом. На белоснежном насте у ног Андрея осталась густая, почти черная лужа крови и брошенный карабин СКС с открытым затвором, застывшим на затворной задержке.

Андрей медленно опустил «Кедр на предохранитель и повернулся.

Женщина все так же лежала на спине в пяти шагах от него. Ее глаза были полузакрыты, ресницы полностью покрылись инеем от редкого, едва заметного дыхания. Она не ви-

дела боя. Она уже находилась в том последнем, иллюзорно-теплом состоянии, когда гипотермия отключает болевые рецепторы головного мозга, заменяя их смутными, ласковыми галлюцинациями ушедшего прошлого.

Андрей подошел, опустился перед ней на одно колено и снял рукавицу.

Его сухой, огрубевший палец коснулся ее шеи у самого основания челюсти. Пульс был. Ужасающе редкий — один удар в четыре-пять секунд, нитевидный, проваливающийся, но сердце все еще боролось за жизнь этой изможденной плоти.

— Слышишь? — тихо сказал он, тронув ее за плечо.

Женщина не ответила. Лишь ее сухие, с растрескавшейся до мяса кожей губы слегка шевельнулись, вытолкнув крошечное облачко серого пара.

Андрей взглянул на нее, затем на брошенный СКС, затем на темнеющий горизонт, где сумерки уже накрывали вершины сосен.

Он переступил черту.

Пятнадцать лет его одиночество было абсолютным. Его землянка была крепостью, в которую не допускались чужие тени, чужие боли и чужие судьбы. Взять эту женщину на заговор и унести в свое укрытие означало уничтожить статус-кво. Это означало разделить с ней свои скудные запасы сухарей, свой древесный уголь, свои патроны и свою неизбежную войну со «Старанием», которое никогда не прощало

упущенной добычи.

Но оставить ее здесь, на этом насту, после того как он расстрелял загонщиков, было выше его собственных, инженерных понятий о справедливости мира.

Андрей подобрал со снега трофейный СКС, перекинул его через плечо за брезентовый ремень. Затем продел руки под мышки женщины, рывком поднял ее легкое, усохшее до костей тело и закинул себе на правое плечо.

Она весила не больше сорока пяти килограммов — мешок с сушеными кореньями весил больше.

— Пошла, залетная, — тихо прошептал он сам себе, поворачиваясь в сторону увала.

Сумерки в тайге не наступают — они оседают. Серый вымороженный воздух за несколько минут загустел, наливаясь тяжелым, фиолетово-синим свинцом, в котором деревья теряли объем, превращаясь в плоские, призрачные силуэты.

Андрей шел через ельник, ломая камусом лыж хрупкую ночную корку. На его правом плече висело легкое, усохшее тело женщины, а поперек груди, поверх открытого тулупа, стучал по ребрам тяжелый трофейный СКС. Каждый шаг давался с трудом: сорок пять килограммов чужого веса, умноженные на усталость пятичасового ожидания в снегу, сбивали дыхание, выгоняя из легких горячий, мгновенно замерзающий пар.

У маскировочного щита землянки Андрей остановился. Он аккуратно спустил женщину на снег, приперев ее спи-

ной к комлю вековой сосны. Ей голова бессильно откинулась назад, уткнувшись затылком в шершавую кору. В синих сумерках ее лицо казалось выточенным из серого пористого льда: веки полуприкрыты, из-под заиндевевших ресничных краев виднелась только узкая полоска помутневшего белка, а губы окончательно потеряли цвет, превратившись в сухие, белесые валики.

— Держись, — прохрипел Андрей, едва выталкивая звук из пересохшего горла. — Пришли.

Он отвалил тяжелый деревянный щит, занесенный снегом, открыл первую внутреннюю дверь и втащил женщину в сени. В замкнутом пространстве неотапливаемого ходака мгновенно пахнуло сухой хвойной прелью, старой овчиной и тем особым, нежилым холодом, который скапливается в закрытых погребках.

Заперев внешнюю дверь на дубовый засов, он нащупал в темноте задвижку внутренней двери и с силой толкнул бревенчатую плаху.

Землянка встретила их спертым, угасающим теплом.

Печь, переведенная два часа назад в режим тления древесного угля, еще отдавала кирпичным боком ровный, глубокий жар, но воздух у пола уже успел остыть до нуля. Андрей на руках занес женщину внутрь и уложил ее на нары, прямо на трехслойный настил из сухих тулугов и оленьих шкур.

Она не стонала. Ей тело было тяжелым и сухим, как ме-

шок со старой соломой.

Андрей не стал сразу зажигать свечу или масляный жирник. В темноте, подсвечиваемой только оранжевыми щелями поддувала, он сбросил свой тулуп, подошел к печи и открыл нижнюю заслонку. Воздух с гулким шипением ворвался в топку, оживляя красные ковры древесного угля. Андрей бросил сверху десяток мелких сосновых лучин, пропитанных янтарем смолы, и через минуту помещение залил мягкий, пляшущий желтый свет.

Первым делом нужно было оценить степень поражения плоти.

В медицине экстремального выживания существует жесткое, бескомпромиссное правило: реанимация глубоко переохлажденного человека — это самый сложный технологический процесс. Если начать отогревать замерзшее тело слишком быстро — с помощью горячей воды, интенсивного растирания или прямого огня, — произойдет так называемый «коллапс согревания». Мертвая, ледяная кровь из периферических сосудов конечностей устремится к истощенному сердцу, вызовет мгновенную фибрилляцию и остановит его навсегда.

Согревать нужно было исключительно «ядро» — грудную клетку и мозг, оставляя руки и ноги в холоде до тех пор, пока сердце не восстановит ритм.

Андрей достал из угла широкий нож с костяной рукоятью, опустился перед нарами на колени и начал разрезать на жен-

щине одежду.

Ее ватник был заскорузлым, пропитанным застарелой лагерной грязью, копотью и промерзшей насквозь сыростью. Андрей осторожно, чтобы не повредить прилипшую к телу ткань, расстригал шов за швом. Нож со скрежетом рассекал заскорузлый ватин. Под верхним слоем обнаружилась суконная гимнастерка с оторванными пуговицами, а под ней — самодельная нательная рубаха из грубого мешочного льняного полотна.

Когда он отвернул последние обрывки ткани, в желтом свете печи открылось ее тело.

Андрей, видевший за пятнадцать лет немало смертей, замер на секунду, удерживая нож в застывшей руке. Это не было человеческое тело в привычном понимании — это был скелет, обтянутый сухой, пергаментной кожей желтовато-серого оттенка. Ребра проступали сквозь грудную клетку так отчетливо, что можно было пересчитать каждый хрящевой сустав. Живот полностью ввалился под подвздошные кости, образовав глубокую, темную яму.

На бедрах и предплечьях мышцы усохли до тонких, плоских жил, а на локтях и коленях кожа образовала грубые, темные натоптыши — следы многомесячной работы на коленях в сырых шахтах или на лесоповале.

Но хуже всего были ноги.

Андрей аккуратно разрезал обрывки войлока и разматывал бинты на ее ступнях. Ступни были белыми, с восковым, ма-

товым оттенком — вторая, а местами и третья степень обморожения. Пальцы ног застыли в скрюченном состоянии, под ногтями темнели глубокие гематомы. Если не начать лечение сухим теплом и специальными мазями из жира и чаги, через двое суток начнется влажная гангрена.

— Черт бы вас драл... — тихо, с ненавистью прошептал Андрей, имея в виду комендантов «Старания».

Он поднял взгляд к ее лицу.

При ярком свете разгоревшейся печи клеймо на ее левой щеке читалось без труда. Буквы «СТ» были выжжены глубоко, с захватом подкожно-жировой клетчатки. Рубец зажил плохо: края раны были неравномерными, с синеватым оттенком застойной крови. На лагерном языке этот знак означал «Особый учет. Склонность к побегу».

Женщина внезапно дернулась.

Ей грудная клетка судорожно вздыбилась, изо рта вырвался короткий, свистящий хрип. Ей глаза со скрежетом разомкнулись, и мутный, расфокусированный взгляд черных зрачков уперся прямо в лицо Андрея.

В этих глазах не было разума. Там плескался дикий, животный, неконтролируемый ужас человека, которого вытащили из небытия обратно в пыточный круг.

— Не... не надо... — вытолкнула она сквозь спекшиеся, кровоточащие губы. Ее правая рука, похожая на птичью лапу с черными, обломанными ногтями, судорожно дернулась, пытаясь прикрыть обнаженную грудь. — Не надо... Я буду

копать... Я буду...

— Тихо, — Андрей перехватил ее запястье. Его пальцы, широкие и горячие, сжались на ее кости осторожно, но намертво. — Тихо. Нет здесь «Старания». Нет коменданта.

Он не стал разглагольствовать или успокаивать ее длинными фразами — в состоянии глубокого шока человеческий мозг воспринимает только простые, повелительные глаголы.

Он поднялся, подошел к столу и налил из котелка в деревянную кружку крутой, обжигающий отвар чаги с шиповником. Добавил туда крошечную щепотку соли — чтобы удерживать в измотанном теле воду — и ложку густого, засахарившегося дикого меда из отцовских запасов.

Вернувшись к нарам, Андрей приподнял ее голову, поддерживая затылок ладонью.

— Пей. Маленькими глотками. Сразу не глотай, грей во рту.

Женщина ткнулась губами в край деревянной кружки. Запах меда и горячей хвои действовал на изголодавшийся организм сильнее любого лекарства. Она сделала один глоток, поперхнулась, зашлась сухим, мелким кашлем, но тут же снова потянулась к кружке с жадностью умирающего. Андрей поил ее медленно, со столовой ложки, контролируя каждый глоток.

Спустя десять минут горячий отвар начал делать свое дело. По ее бескровным щекам разлился слабый, болезненный розоватый пятнистый румянец. Дыхание стало ровнее, зрач-

ки немного сузились, обретая минимальную сфокусированность. Она смотрела на бревенчатый потолок землянки, на подвешенные пучки сухих трав, на ружье ИЖ-27 на стене и, наконец, снова перевела взгляд на Андрея.

— Где я?.. — шепотом спросила она. Голос был шершавым, словно кованый гвоздь драл по сухому железу.

— Речной каньон. Пятый квадрат, — ответил Андрей, укрывая ее по самую шею чистым, сухим тулупом из закров. — Восемнадцать километров от южной просеки. Твои загонщики ушли назад. Старший ранен.

Она закрыла глаза. Из-под век вытекла одинокая, тяжелая слеза, проложившая чистую дорожку по ее испачканной сажей щеке.

— Они... они вернутся... — прошептала она. — Рогожин не прощает... Он привезет собачников...

— Пусть привозит, — холодно ответил Андрей. — В этом лесу собаки живут до первого выстрела. Как тебя зовут?

— Анна... — выдохнула она, скатываясь обратно в тяжелый, полубредовый сон, вызванный тепловым ударом и первыми порциями глюкозы. — Анна...

Андрей продел руки под тулуп, проверил температуру ее стоп. Они все еще оставались холодными, как лед, но реакция на нажатие появилась — глубокие ткани были живы.

Он поднялся, вытер руки сухой ветошью и подошел к столу.

На столе лежал трофейный СКС, снятый у яра. Андрей

достал из кармана масленку, ветошь, сухую выколотку и начал механически, с привычной аккуратностью разбирать карабин.

Движения его пальцев были точными, но мысли улетали далеко за пределы этой тесной, нагретой печью землянки.

Он взглянул на бревенчатый опорный столб у нар.

Там, под слоем пыли, белела свежая, неровная черта мелом: 4 892.

Четыре тысячи восемьсот девяносто два дня он строил эту крепость. Четырнадцать лет и одиннадцать месяцев он был абсолютно один — единственный хозяин своей судьбы, своего времени, своего тепла и своей смерти. Его мир был выверен до миллиметра, до последней щепотки соли и последнего патрона в патронташе.

Теперь этот мир рухнул.

Присутствие этой женщины, ее раны, ее бремя, ее клеймо «СТ» на щеке — все это уничтожило его стерильную изоляцию. Загонщики из «Старания» действительно вернутся. Они придут не через месяц — они придут, как только спадет мороз и просохнет наст. Они принесут с собой автоматическое оружие, снегоходы и войну.

Андрей шелкнул затвором СКС, проверяя работу возвратной пружины.

Звук прозвучал в тишине землянки как сухой, бескомпромиссный приговор.

Он не жалел о сделанном выстреле. Он не жалел о том,

что принес эту женщину на своих плечах. Просто время спокойного выживания в норе закончилось. Наступала эра активной обороны.

За окном, над трехметровым слоем земли и снега, ревел зауральский буран. Ветер гудел в вентиляционной трубе, засыпая последние следы у песчаного яра и превращая весь прошлый мир в ровное, белое, немое ничто.

Глава 2. Анатомия тревоги

Утро наступило без света. В подземелье рассвет определялся не по синеве за окном, которого здесь не было, а по смене звукового фона: вымороженный за ночь бревенчатый сруб землянки при повышении температуры в топке начинал тихо, мелко потрескивать, отдавая накопленный сухой гул.

Андрей поднялся с пола у печи в шесть утра. Он не спал на нарах — отдал свое место женщине, а сам постелил на земляной пол два слоя сухих лосиных шкур и завернулся в старый брезентовый полог. Сон был рваным, неглубоким, состоящим из часовых отрезков, между которыми он вставал, чтобы подкинуть в топку пару мелких плашек выдержанной березы и проверить пульс на тонкой, запятнанной сажей шее Анны.

Она была жива.

Главный кризис — «коллапс согревания» — миновал без фибрилляции. Сердце выдержало приток согретой крови, но

ее организм расплачивался за это тяжелой, лихорадочной реакцией. Анна металась в тулупах, ее сухие, растрескавшиеся до мяса губы постоянно шевелились, выталкивая бессвязный, сиплый шепот — обрывки каких-то лагерных номеров, имена, отрывистые команды и детские воспоминания о теплой воде.

Андрей опустился перед нарами на корточки, держа в руках глиняную плошку с самодельной мазью.

Мазь была его собственным рецептом, выверенным за годы травм в тайге: перетопленный барсучий жир, смешанный с мелко просеянной чагой, высушенной смолой-живицей и пудрой из древесного угля. Жир защищал пораженные ткани от высыхания, живица работала как мощнейший естественный антисептик, а уголь впитывал токсичные продукты распада отмирающих клеток.

Он осторожно отвернул суконный край одеяла в ногах.

Ступни Анны изменили цвет. Это был хороший и одновременно страшный знак: вместо матово-белого, «воскового» оттенка обморожения ткани налились застойным, багрово-синюшным цветом. Капиллярное кровообращение восстанавливалось, но вместе с ним пришла острая, невыносимая боль, пробивавшаяся даже сквозь полубессознательный бред.

Когда Андрей прикоснулся гусиным пером, вымоченным в мази, к ее левой пятке, Анна взвыла.

Это не был человеческий крик — это был тонкий, звеня-

щий свист, вырвавшийся из сожженной морозом гортани. Ее тело выгнулось дугой, пальцы рук судорожно впились в шерстяную обивку тулупа.

— Лежать, — чеканно, почти грубо произнес Андрей, удерживая ее колено своей широкой, тяжелой ладонью. — Лежать. Если не смазать — завтра пальцы почернеют и отвалятся. Лежать, Анна.

Он действовал быстро и методично. Смазывал растрескавшуюся, покрытую ледяными пузырями кожу на пальцах ног, накладывал сверху чистые, прожаренные над печью полосы сурового льняного полотна и туго, но без пережимания сосудов, бинтовал каждую ступню.

Джек сидел рядом, положив морду на край нар, и тихо, сочувственно поскуливал при каждом ее вздохе. Пес понимал природу этой боли — две зимы назад он сам потерял подушечку на задней левой лапе, когда провалился под наледь на ручье.

Когда бинтование было окончено, Андрей укрыл ее по самый подбородок, налил в ложку теплого, густого бульона из сушеной пескарской рыбы с добавлением соли и влил ей в рот.

Анна сглотнула автоматически, не открывая глаз. Ее дыхание постепенно выравнивалось, став более глубоким и редким. Лихорадка уходила, уступая место тяжелому, восстановительному сну истощенного тела.

Окончив медицинские процедуры, Андрей подошел к ши-

рокому дубовому столу в центре землянки.

На столе, освещенном тусклым желтым пятном коптилки, разложены были его новые трофеи — трофеи, переменившие баланс сил в его маленьком мире.

СКС — самозарядный карабин Симонова образца 1945 года.

В руках Андрея это оружие раскрывало свою историю без словарей. Он разбирал его с профессиональной вьедливостью инженера-механика. Металлические детали карабина покрыты были сероватым, маслянистым налетом застарелой гари и сухого веретенного масла, которое на морозе превратилось в липкую, похожую на канифоль массу.

Андрей вытащил чеку, снял крышку ствольной коробки, вынул возвратный механизм и затвор.

Состояние — удовлетворительное, — отмечал он про себя, соскребая латунным скребком нагар с газового поршня. — Хромирование канала ствола целое, хотя у патронника есть мелкая сыпь — результат стрельбы старыми патронами с капсюлями на гремучей ртути и отсутствия чистки после боя. Затвор имеет люфт в три десятых миллиметра, но запираение боевым упором надежное.

Карабин был выпущен в 1954 году на Тульском оружейном заводе. На деревянном прикладе выжжены были три неровные буквы: «СТ-3» — инвентарный номер третьего патрульного отряда «Старания».

Андрей вытащил из обоймы патроны.

Десять штук. Калибр 7.62x39. Гильзы стальные, лакированные, зеленые. Капсюли зачернены. Патроны изготовлены в конце восьмидесятых годов — армейский неликвид, выгребенный комендантами из разграбленных складов гражданской обороны.

Рядом лежал «Кедр» — его собственный пистолет-пулемет, и отцовское ружье ИЖ-27.

Он сел за стол и вытащил из инженерного планшета чистый лист бумажного бланка технического учета — одну из последних чистых бумаг, оставшихся у него с прошлой жизни.

Пришло время сухой математики.

Андрей прислонил карандаш к губам и начал выводить аккуратные, мелкие цифры, выстраивая матрицу ресурсов:

- * Боекомплект:

- * 12-й калибр (картечь 8 мм, самокрут): 14 патронов.

- * 12-й калибр (дробь №1, на птицу/зайца): 22 патрона.

- * 9x18 мм (для «Кедра»): 68 патронов (3 полных магазина и 8 штучно).

- * 7,62x39 мм (для СКС): 10 патронов (трофейных) + 34 патрона из его старого цинка.

- * Итого: 148 огневых контактов средней интенсивности.

- * Продовольственный баланс (на двух взрослых человек):

- * Сушеная рыба (пескарь, окунь): 8,5 кг (~25 000 ккал).

- * Сушеное лосиное мясо (юкола): 4,2 кг (~18 000 ккал).

- * Крупа перловая (из запасов 2011 года): 6 кг (~21 000

ккал).

* Грибы сушеные (лисички, подберезовики): 3 балки (~4 000 ккал).

* Соль пищевая: 1,2 кг.

* Суточный минимум: 4 500 ккал на двоих при условии полного покоя женщины и базовой физической нагрузки Андрея.

* Автономность: 15–18 дней.

Восемнадцать дней.

Это была критическая цифра. Раньше, когда он жил один, запасов хватало до первой половины мая — до момента, когда река вскрыется и можно будет поставить верши на нерестовую щуку. Появление Анны сокращало его продовольственный ресурс ровно вдвое.

Но еще страшнее был фактор времени.

Андрей поднялся, подошел к стене, где висела крупномасштабная карта района, и приложил деревянную линейку к красной линии южной просеки.

— Математика простая, — тихо шепнул он сам себе. — Расстояние от песчаного яра до центральной базы «Старания» — сорок восемь километров по прямой. Парни Рогожина тащат раненого отца на нартах. Скорость движения по насту с грузом — не более трех километров в час. Они при-

дут на базу к сегодняшнему вечеру.

Он переставил циркуль.

— Комендант потратит ночь на допрос и оценку обстановки. Рогожин-старший ранен моей картечью — значит, они знают, что против них работал человек с охотничьим оружием и «Кедром». Они не пошлют двоих. Они сформируют силовой патруль: пять-шесть человек на двух снегоходах или тяжелом грузовике с широкими гусеницами.

Он сжал циркуль в кулаке.

— Выход патруля — завтра, в пятницу утром. Время в пути до каньона — шесть часов. Они будут у песчаного яра к полудню субботы.

У него оставалось ровно сорок восемь часов.

Сорок восемь часов на то, чтобы поставить Анну на ноги настолько, чтобы она могла идти на лыжах хотя бы медленным шагом, или подготовить землянку к круговой обороне, которая в условиях пятикратного численного превосходства врага превратится в банальную осаду и выкуривание дымом.

Андрей надел тулуп, взял СКС и выскочил в сени.

Ему нужно было выйти наружу. Нужно было посмотреть на лед, на небо и почувствовать ветродуй — единственный естественный фактор, который мог спутать карты коменданту «Старания».

Выход на поверхность встретил его резким, слепящим

ударом солнца.

Буран утих полностью. Небо над тайгой очистилось, превратившись в огромный, безупречный купол из синего промерзшего хрусталя. Мороз стоял тяжелый — градусов тридцать два. Воздух был настолько сухим, что искрился микроскопическими ледяными иголками, медленно оседавшими на хвою сосен.

Андрей поднялся на гребень увала и взглянул на юг.

Следы вчерашнего боя, следы его камусовых лыж и ровная траншея, по которой братья Рогожины уволокли отца, исчезли. Ночной буран сработал как идеальный ластик: он надул на яре двухметровые свежие барханы из плотного, жесткого наста.

Лес казался абсолютно мертвым и чистым.

Но Андрей знал, что эта чистота — обман. В Новом Мире тишина никогда не была миром. Она была лишь паузой между двумя звуками: звуком взведенного затвора и звуком падающего в сугроб тела.

Джек выскочил за ним на бруствер, подбежал к подножию сосны и внезапно замер, насторожив слух и повернув морду к северу.

Не к югу, откуда ждали «Старание». К северу.

Андрей мгновенно перехватил СКС удобнее, держа палец у спусковой скобы.

Тайга за речным каньоном, там, где начинались дикие, непреодолимые Васюганские болота, ответила на движение

пса едва слышным, гулким звуком. Это был не выстрел и не крик человека.

Это был треск. Глухой, сухой треск ломающегося на большом пространстве векового льда, будто глубоко под землей, в основании древнего кряжа, повернулось какое-то гигантское, давно уснувшее колесо.

Густой, тяжелый полумрак землянки казался почти осязаемым. В нем растворялись углы бревенчатого сруба, и только раскаленный докрасна прямоугольник дверцы печи да тусклый язычок масляного жирника на столе удерживали границы пространства.

Андрей сидел на деревянном чурбаке против нар, протирая на коленях затвор трофейного СКС. Сухая фланель с тихим, ритмичным шелестом скользила по вороненому металлу.

За пятнадцать лет тишины он отвык от звуков человеческого присутствия в помещении. В его доме раньше шелестел только огонь, поскрипывали под усадкой венцы да дышал во сне Джек. Теперь к этой простой симфонии добавился еще один ритм — неровное, тяжелое, поверхностное дыхание женщины. Она спала уже больше четырех часов после того, как шок от переохлаждения сменился глубоким, глухим истощением.

Джек лежал у подножия нар. Пес не спал: его тяжелая голова покоилась на вытянутых передних лапах, а темно-янтарные глаза не отрывались от забинтованных ног Анны.

Шелк.

Это была не одежда и не белье. С таким звуком она разомкнула слипшиеся, покрытые сухой корочкой веки.

— Не суетись, — ровно, не поднимая головы от затвора, произнес Андрей. Голос прозвучал глухо, без вибрации, чтобы не испугать ее в момент перехода от небытия к реальности. — Ты в землянке. Огонь горит. Дверь на засове.

Анна не дернулась. Опыт каторжного лагеря выжег в ней привычку резких движений при пробуждении. Она замерла, сканируя окружающую обстановку сухими, запавшими глазами, и только ее пальцы, высунувшиеся из-под тулупа, судорожно сжались на шерстяном настиле.

— Который... час? — спросила она.

Звук ее голоса был похож на хруст сухого камыша под сапогом. В нем не было женских интонаций — только выжженная гортанная сухость.

— Полдень, — ответил Андрей, откладывая детали на ветошь. — Мороз тридцать два. Буран кончился три часа назад. Ваши следы от яра занесло полностью.

Он поднялся, налил из железного чайника в кружку теплый, пахнувший смолой и шиповником отвар и поднес к нарам.

Анна попыталась сесть, но мышцы живота и шеи отказались служить: тело после тяжелейшего гипотермического шока отзывалось на любые нагрузки тупой, разламывающей болью в суставах. Андрей не стал помогать ей подняться ру-

ками. Он просто подложил ей под спину свернутый в валик второй тулуп и прислонил край глиняной кружки к ее губам.

Она пила жадно, но контролируемо — короткими, осторожными глотками, давая горячей жидкости прогреть пищу-вод.

— Ты... один здесь? — спросила она, когда кружка опустела.

— С собакой, — Андрей вернулся на свой чурбак и снова взял в руки тряпку. — Пятнадцать зим.

Анна молчала, вглядываясь в его лицо. В полумраке землянки его сухие, высеченные из камня черты, густая борода с проседью и глубокие, залегшие у переносицы складки казались ей частью этого бревенчатого укрытия — чем-то таким же старым, прочным и равнодушным к человеческой суете, как сама тайга.

— Меня зовут Анна, — повторила она проваливающимся шепотом. — Я... я работала на цементном заводе. В третьей артели.

— Я видел клеймо, — спокойно ответил Андрей. — Буквы «СТ». Особый учет.

Она произвольно подняла руку, закрыв ладонью левую щеку. Рубец под ее пальцами был горячим и жестким, как впаянный под кожу кусок пластмассы.

— Они не забудут, — сказала она, и в ее голосе впервые прорезались живые, звенящие от затаенного ужаса ноты. — Андрей... ты не понимаешь, кто такой комендант Игнатов.

Ты думаешь, что ранил обычного браконьера в лесу и они испугаются? Рогожин — это просто ищейка. Пес на поводке. Игнатов не прощает потери людей. Но главное — он не прощает упущенного клейма.

Андрей отложил СКС и посмотрел ей прямо в глаза.

— Рассказывай, — приказал он. — Что такое «Старание»? Сколько у них оружия? Сколько людей? По какому принципу они работают?

Анна глубоко вздохнула. В ее груди при этом что-то хлюпнуло и свистнуло — последствия морозного ожога легких еще давали о себе знать.

— «Старание» — это не просто банда, — начала она, тяжело выговаривая слова. — Это машина. Пять лет назад Игнатов — он был начальником охраны на обанкротившемся цементном комбинате в районе Троицка — собрал вокруг себя всю дрянь, которая выжила в городах: бывших вертухаев, браконьеров, личную охрану складов. Они захватили карьер и единственную рабочую электростанцию на древесном газе.

Она сделала паузу, прикрыв глаза, будто восстанавливая в памяти страшные картины своего прошлого.

— В «Старании» около трехсот человек. Из них «чистых» — охранников и патрульных — сорок или пятьдесят. У них есть оружие. Много оружия из закровов военизированной охраны и разграбленного горотдела: автоматы, карабины, два ручных пулемета и даже одна рабочая БРДМ-2 на

ходу. Но солярки мало. Солярку они берегут только для карательных рейдов.

— Чем они живут? — спросил Андрей, профессионально фиксируя в памяти сухие цифры.

— Известь. Лес. Уголь. Они снабжают крупные поселки на юге, за рекой. Выменивают у них патроны, соль, спирт и медикаменты на рабский труд. У них все разделено на пайковые категории. «Клеймленные» — это нулевая категория. Каторжники. Нам дают по триста граммов овсяного жмыха и литр варева из костей в день. Если ты не выдаешь норму на выпилке или в забое — тебя не бьют. Тебе просто не дают пайку двое суток. В этот мороз человек на нулевой пайке сгорает за неделю.

Джек у подножия нар тихо, низко зарычал, будто понимая суть рассказа.

— Почему ты бежала? — спросил Андрей. — Шансов пройти двести километров по тайге зимой без лыж и оружия — один из тысячи.

— Меня назначили в группу обслуживания шахтных печей, — Анна открыла глаза, и в них вспыхнул сухой, злой огонь. — На разгрузку известняка. Из нашей бригады за декабрь умерли восемь человек из десяти. Я поняла, что если останусь до января — просто не встану с нар в бараке. Лучше замерзнуть в сугробе, чем жрать их варево из костей собственных друзей и ждать, пока тебе в голову всадят лом за невыполнение нормы.

— Ты убила кого-то при побеге?

— Охранника у дровяного склада, — коротко ответила она. — Пробила ему затылок куском арматуры, когда он полез мне под юбку за пайку сухарей. Забрала его ватник, валенки и ушла в метель.

Андрей молчал. В землянке снова установилась тяжелая, плотная тишина.

Вся картина вырисовалась с безупречной, инженерной точностью. Игнатов не мог оставить этот случай без ответа не из-за убитого охранника или дюжины украденных сухарей. Побег «клеймленной» каторжанки, сопровождавшийся убийством охранника и разгромом патруля Рогожина, бил по самой основе его системы — по страху. Если в каторжном лагере поймут, что из «Старания» можно уйти и выжить в тайге, система пайкового контроля рухнет за один сезон.

Игнатов пришлет карателей.

— Сколько у нас времени? — тихо спросила Анна, всматриваясь в молчаливое лицо Андрея. — До того, как они придут сюда?

— Сорок восемь часов от момента боя у яра, — ответил Андрей, поднимаясь с чурбака. — Вчера был четверг. Значит, карательный отряд на снегоходах или гусеничном транспорте будет у реки в субботу к полудню.

— Ты... ты останешься здесь? Будешь принимать бой?

Андрей подошел к стене, на которой висели пучки сушеных трав, старый термометр и планшет с картой.

Он провел ладонью по сухим, шершавым бревнам сруба.

Пятнадцать лет. Четыре тысячи восемьсот девяносто два дня работы. Каждый венец этой землянки был протесан его собственным топором. Каждый кирпич печи принесен на его собственном горбу. Каждая плашка на потолке уложена с любовью и отчаянием человека, который пытался выгородить себе крошечный пятак тепла посреди гигантского мирового кладбища.

Здесь был его дом. Его единственная связь с понятием нормы.

— Нет, — тихо и чеканно сказал Андрей. Голос его был твердым, как гранитный плитняк под снегом. — Принимать бой в землянке против такого отряда — это глупость. Они просто заблокируют выходы, забросят в вентиляцию два дымовых патрона и подождут, пока мы выскочим под очереди.

— Тогда что мы будем делать? — Анна подалась вперед, забыв об острой боли в забинтованных ступнях.

— Мы уйдем, — Андрей повернулся к ней. — Завтра на рассвете. Мы заберем все, что сможем унести на волокушах. А землянку мы оставим им. Но так, чтобы это посещение стало для них последним.

Он подошел к сундуку под нарами, достал из него небольшой железный ящичек, в котором хранились три оставшихся у него шашки старого советского аммонита с капсюлями-детонаторами и нихромовой проволокой, и положил его на стол.

Разговор был окончен. Впереди оставалась последняя ночь в доме, который больше не мог защитить.

Ночь перед исходом не принесла покоя. Она тянулась долго, плотно, растворяя часы в равномерном, сухом пощелкивании остывающего кирпичного бока печи.

Землянка превратилась в сборочный цех и одновременно в погребальный склеп. Андрей работал в центре помещения при свете последней восковой свечи, вставленной в гильзу от 37-миллиметрового снаряда. Желтое, тусклое пламя трепетало от малейшего движения, отбрасывая на бревенчатые стены огромные, изломанные тени людей и вещей.

Сборы в Новом Мире — это чистая, жестокая арифметика отсечения лишнего.

На полу перед нарами стояли две пары деревянных волюкуш. Они представляли собой глубокий, узкий короб из сосновых дранок, обтянутый снизу промасленной лосиной шкурой с шерстью, направленной назад — для безупречного скольжения по насту и предотвращения отката.

Андрей взвешивал каждый предмет на ладони, прежде чем уложить его на дно короба или отбросить в угол — в категорию того, что останется здесь навсегда.

— Книги не берем, — сказал он ровным, сухим голосом, не поворачивая головы к Анне.

Она сидела на краю нар, замотанная в овчинный тулуп. Ее ступни, туго забинтованные полосами прожаренного сукна, лежали на сухой подстилке из хвои. Ее лицо казалось еще

более костлявым и белым в свете свечи, но из глаз ушел лихорадочный бред, уступив место тяжелому, внимательному постоянству.

Она смотрела, как на земляной пол у стены ложится полка с его прошлой жизнью: три тома «Справочника инженера-гидротехника», истертый до дыр томик Чехова, подшивки журналов «Охота и охотничье хозяйство» за восьмидесятые годы прошлого века и общая тетрадь с его собственными дневниковыми записями за первые пять зим одиночества.

— Бумага тяжелая, — тихо добавил Андрей, укладывая на дно первых волокуш тридцатикилограммовый баул с сушеной рыбой и юколой. — Бумага впитывает сырость и весит три грамма на страницу. Заменим ее лишней коробкой спичек и полукилограммом соли.

— Ты жил здесь пятнадцать лет... — шепотом вымолвила Анна. Ее голос звучал медленно, каждый звук давался с треском в пересохшей гортани. — И оставляешь все из-за меня.

Андрей на мгновение замер. В его руке был старый, выточенный из цельного куска карельской березы половник — вещь, сделанная им в третью зиму, когда пальцы от цинги еще плохо слушались резца. Он посмотрел на плавный, до зеркального блеска затертый ладонями изгиб рукояти.

— Я оставляю не из-за тебя, — спокойно произнес он, бросая половник в угол к книгам. — Я оставляю из-за физики. Землянка — это стационарная мишень. Стационарная

мишень в бою с превосходящим противником всегда превращается в братскую могилу. Вещи — это просто переработанная древесина и железо. Они не стоят того, чтобы за них умирать.

Он вернулся к волокушам.

В первые, его собственные волокуши, легло самое тяжелое и жизненно необходимое:

* Запас провизии на двадцать дней (сушеная рыбешка, юкола, перловка, соль, чай, засахарившийся мед).

* Арсенал: цинк с патронами 7,62x39, коробка с 9x18 для «Кедра», латунные гильзы 12-го калибра, банка с бездымным порохом «Сокол», капсюли и картечь.

* Шанцевый инструмент: малая саперная лопатка, тяжелый плотницкий топор с запасным топорищем, двуручная пила «Дружба», перетянутая брезентовым чехлом, и два сухих оселка для заточки.

* Ремонтный комплект: драные полосы сыромятной кожи, медная проволока, шило, суровые нитки, запасные камусовые полосы для лыж.

Вторые волокуши были оборудованы как сани-эвакуатор. Андрей выложил их дно тремя слоями лосиных шкур, сверху уложил легкий, но невероятно теплый спальный мешок из гагачьего пуха спасенный им еще из разграбленного альпинистского склада во вторую зиму) и закрепил по бокам коробка надежные кожаные ремни-растяжки.

— Пойдешь на лыжах сама, пока будут силы, — сказал он

Анне, накидывая на сани патронташ. — Когда ноги окончательно занемеют — ляжешь в волокуши. Я впрягусь в обе пары паровозом. Времени на остановки у нас не будет.

Окончив укладку вещей, Андрей приступил к самой опасной части ночной работы — к минированию землянки.

В Новом Мире уход из дома должен быть абсолютным. Оставить нажитое укрытие врагу — значит подарить загонщикам Рогожина готовую, отапливаемую базу в пятом квадрате, из которой они смогут методично прочесывать весь северный массив.

Андрей достал из железного ящичка три прямоугольных бруска старого советского промышленного аммонита.

Прессованное вещество в грязно-желтых парафинированных обертках пахло специфически — резким, химическим запахом аммиачной селитры, тротила и старого технического жира. Взрывчатка хранилась в сухом цинке пятнадцать лет, но аммонит — капризная штука: от сырости он слеживается, а на жестоком морозе требует мощного первоначального импульса.

Андрей действовал с ювелирной аккуратностью инженера-взрывотехника.

Первую шашку он заложил прямо в топку печи. Выгреб оттуда всю золу, установил аммонитовый брусок в задней части чугунного топливника и обложил его мелкими, сухостойными сосновыми лучинами, пропитанными смолой.

От капсуля-детонатора № 8, осторожно впрессованного в

тело шашки, вверх по дымоходу уходил тонкий, незаметный двухжильный провод в шелковой обмотке, покрытой лаком.

— Простой нажимной детонатор на дверцу печи? — тихо спросила Анна, следя за каждым его движением.

— Нет, — ответил Андрей, не подпуская слабину в голосе. — Загонщики — не дураки. Они знают про растяжки на дверях. Первым делом, когда они ворвутся в землянку, они не будут хватать вещи. Они захотят согреться. Они откроют печь, чтобы забросить туда дрова и проверить тягу.

Он продевал провод сквозь технологическую щель в кирпичной кладке.

— Контактная группа смонтирована на топочной заслонке. Как только кто-то потянет ручку заслонки на себя хотя бы на два сантиметра — замкнется цепь от сухого элемента «3336», который я встроил в кирпич. Детонация мгновенная. Восемьсот граммов аммонита в замкнутом пространстве кирпичной печи разорвут чугунную плиту на тысячи мелких осколков.

Вторую и третью шашки он установил под опорными столбами, подпиравшими коньковый прогон крыши.

Две шашки были объединены в единую цепь дублирующим растяжным взрывателем из тонкой, незаметной стальной струны, натянутой у самого порога на высоте пяти сантиметров от пола. Если загонщики проявят осторожность и не станут топить печь, а просто начнут вытаскивать оставленные в углу вещи или тяжелый деревянный стол — стру-

на соскочит с чеки, и три тонны наката из бревен и трехметрового слоя земли обрушатся внутрь, превращая землянку в сплошную грунтово-деревянную массу.

Андрей закончил монтаж в три часа ночи.

Он аккуратно встал с колен, вытер замасленные пальцы ветошью и взвел боевые чеки. С этого момента землянка перестала быть жильем. Она превратилась в заряженный, готовый к детонации кассетный боеприпас.

Каждый шаг по полу теперь требовал абсолютной выверки: Андрей помнил каждый сантиметр натянутой струны и каждую мертвую зону у порога.

За два часа до рассвета они сели к столу — в последний раз.

В землянке горела только печь. Ее тлеющие угли отбрасывали через щели поддувала багровые, ровные полосы на земляной пол.

Андрей налил в две кружки остатки крутого кипятка. Они пили молча, не глядя друг на друга. Джек сидел между ними, переводя взволнованный взгляд с хозяина на забинтованные ноги женщины. Пес чуял: старый мир кончился. Пахло не горячей кашей и березовым дымом — пахло аммонитом, промасленной кожей саней и ледяной бездной, ждавшей их за дверью.

Андрей поднялся, взял кусок каленого сурикового мела и подошел к опорному столбу у нар.

На бревенчатой поверхности белели четыре тысячи во-

семьсот девяносто два неровных росчерка — его дневник, его календарь, его одинокая хроника выживания.

Он приставил мел к дереву и вывел последнюю, четыре тысячи восемьсот девяносто вторую черту.

Затем провел по вертикали две тяжелые, перекрестные линии, перечеркнув весь столбец накрест.

Счет дней в землянке был закрыт.

— Пора, — сказал он.

Он помог Анне подняться, обмотал ее ноги поверх бинтов дополнительными полосами промасленного сукна и натянул на нее тяжелые лосиные поршни. Надел на нее суконную кухлянку, подпоясал ременной перевязью и накинул на голову капюшон.

Она встала на ноги. Ее качало, лицо исказилось от дикой боли, пробивающей промерзшие ступни при каждом касании пола, но она не издала ни единого звука. Лишь губы ее сжались в узкую, бескровную линию.

Андрей запрягся в плечевые ремни первых волокуш. Вторые волокуши были прицеплены к заднему бугелю первых на двухметровом стальном тросике. Поперек его груди висел СКС с полным магазином, а в кармане тулупа лежал заправленный «Кедр».

Они вышли в сени.

Андрей вытолкнул наружный маскировочный щит, пробивая свежий, надутый за ночь сугроб.

В нос мгновенно ударил звенящий, космический мороз.

Небо над Уральским хребтом было черным, глубоким, подбитым снизу мелкой, искрящейся пылью далеких звезд. Градусник на внешней стороне бревна застыл на отметке тридцать четыре градуса ниже нуля. На востоке, за черными зубьями ельника, едва затеплилась узкая, бледная, как мыльная пена, полоска предрассветных сумерек.

Андрей оглянулся в темноту открытой двери землянки.

Там, в глубине, под трехметровой толщей промерзшей земли, тлели последние угли его печи, ждали своего часа три бруска аммонита и лежала на столе нетронутая полка с книгами.

Он не стал закрывать внутреннюю дверь. Он просто прислонил наружный щит так, чтобы со стороны каньона вход казался занесенным обычным сугробом, встал на широкие камусовые лыжи и налег на плечевые ремни.

Волокуши с тихим, сухим шуршанием скользнули по плотному насту.

— Не оглядывайся, — сказал он Анне, идущей следом за ним на его старых лыжах-походниках и опирающейся на две длинные лещиновые палки. — В тайге оглядываться — значит терять шаг.

Джек вырвался вперед, пробивая грудью рыхлый снег у кромки ельника.

Маленький отряд из двух человек и собаки вывалился из укрытия и взял курс на север — к узкому, занесенному торосами ущелью реки Верхней Печоры, за которым поднима-

лась глухая, неприступная стена Каменного пояса.

Рассвет не принес тепла — он просто обесцветил тень.

К семи утра черная вымороженная ночь уступила место мертвому, свинцово-серому утреннему свету. На востоке, над зубчатой гребенкой сосновых верхушек, поднялось солнце — холодный, слепящий диск без лучей, зажатый между двумя тусклыми вертикальными столбами паргелия. В оптике зимней тайги это ложное солнце означало только одно: мороз закрепился на отметке ниже тридцати пяти градусов, а давлением сверху давит тяжелый, неподвижный сибирский антициклон.

Их маленький отряд шел по руслу замерзшей речушки, впадающей с юга в каньон Верхней Печоры.

Движение по замерзшей реке зимой — это постоянный компромисс между скоростью и смертельным риском. Русло предоставляет идеальную горизонталь, освобожденную от таежного бурелома и завалов, но лед под снегом никогда не бывает однородным. В местах, где течение ускоряется на перекатах, под полуметровым пластом слежавшегося наста образуются «наледы» — скрытые пустоты, заполненные незамерзшей напорной водой со снеговой кашей.

Провалиться в такую наледь при тридцатипятиградусном морозе на волокушах — значит за десять секунд получить на лыжах и санях пятисантиметровый панцирь из монолитного льда, который невозможно сковырнуть даже топором.

Андрей шел первым, пробивая лыжню.

В его правой руке зажата была трехметровая лещиновая жердь-пешня с насаженным на конец стальным граненым пиком. Каждые три шага он с коротким, привычным замахом вонзал пик в наст перед собой.

Если пик входил в снег с сухим глухим треском — наст плотный, лед под ним промерз до дна. Если звук становился влажным, чавкающим — нужно было немедленно брать влево, к обрывистому берегу, где лед опирался на песчаную мелину.

За ним, в трех метрах по его следам, шла Анна.

Первые четыре километра она преодолела на собственных ногах. Это была чистая, иррациональная демонстрация человеческой воли, граничившая с безумием. Каждое наступание на лыжу отзывалось в ее забинтованных, пораженных глубоким обморожением ступнях тупым, разрывающим ударом, который пробивал поясницу и заставлял ее судорожно хватать ртом вымороженный воздух.

Ей движения были деревянными, механическими. Вся ее амплитуда шага сократилась до тридцати сантиметров: она не скользила на лыжах, а переставляла их, опираясь на две палки с такой силой, что сухожилия на ее тонких запястьях натягивались, как стальные струны.

Андрей не оглядывался, но слышал каждый ее шаг. Он ориентировался по ритму шуршания ее лыж.

К девяти утра этот ритм начал сбиваться.

Шуршание стало рваным, тяжелым. Палки втыкались в

наст невтопаа, с двоым, неуверенным перестуком. Затаж-ной поаьм на поворотном изгипе реки стал для нее непреодолимой стеной.

— Андрей... — вытолкнула она.

Звук ее голоса был настолько слабым, что его едва не заглушил шелест камуса. Андрей мгновенно замер, упирая пешню в снег, и повернулся.

Анна стояла на коленях прямо посреди лыжни.

Ей лыжные палки отлетели в сторону, погрузившись в рыхлый снежный надув, а сама она упиралась лбом в жесткую снеговую корку. Ей капюшон сбился набок, из-под него выбились пряди волос, сплошь покрытые белым, плотным инеем от выдыхаемого пара. Она не плакала — на таком морозе слезы мгновенно запечатывают веки ледяными корками, — она просто тяжело, со свистом задыхалась, и каждое ее выдыхание оставляло на снегу серое пятнышко тающего кружева.

— Все, — шепотом вымолвила она, не поднимая головы. — Ноги... не чувствую. Вообще. Как деревяшки.

Андрей не стал тратить время на расспросы. Он сбросил со своих плеч буксировочные ремни, подошел к ней и опустился на одно колено.

— Нормально, — спокойно сказал он, расстегивая ременные крепления на ее лыжах. — Четыре километра по насту на таких ногах — это больше, чем рассчитывала медицина. Снимай деревянные.

Он быстро, экономными движениями отстегнул ее лыжи, связал их вместе сыромятным ремешком и закрепил поверх багажного короба на своих волокушах. Затем подхватил Анну под мышки и перенес в короб вторых саней-эвакуатора.

Сани были подготовлены безупречно. На дне лежали лосиные шкуры мехом внутрь, создавая воздушную прослойку, недоступную для идущего снизу холода. Андрей уложил Анну внутрь, заправил ее ноги в пуховый спальный мешок и сверху затянул короб брезентовым клапаном на трех шнуровых растяжках. Наружу торчала только ее голова в ушанке и подшлемнике.

— Сидеть тихо. Руки из мешка не вынимать, — приказал он, затягивая последний узел. — Если начнет клонить в сон — зови меня или Джека. Засыпать на марше нельзя.

Анна только молча кивнула. В закрытом коробе саней, защищенном от ветра брезентовым козырьком, ей сразу стало легче. Впервые за эти дни ее изможденное, забитое болью тело получило возможность расслабиться, передав заботу о своем перемещении чужой, непреклонной силе.

Андрей вернулся к плечевым ремням.

Теперь вектор нагрузки изменился кардинально.

Общая масса буксируемого комплекса составляла около ста тридцати килограммов:

* Первые волокуши (инструмент, патроны, провизия, сбруя): ~55 кг.

* Вторые волокуши (Анна в полной экипировке + спаль-

ный мешок + шкуры): ~75 кг.

* Коэффициент трения промасленной лосиной шкуры по сухому насту при тридцати пяти градусах мороза — около 0,08.

Это означало, что для поддержания непрерывного движения со скоростью четыре километра в час Андрей должен был прикладывать к плечевым ремням постоянное тяговое усилие свыше двенадцати килограммов. На ровной дистанции это кажется невеликой цифрой, но когда эта тяга умножается на километры пути, на глубокий снег и на необходимость постоянно пробивать лыжню — нагрузка на мышцы бедер, поясницу и сердце становится колоссальной.

Он налег на грудную перемышку ремня всем корпусом, наклоняя туловище вперед под углом в двадцать градусов.

Сани вздрогнули. Наст под полозьями отозвался тяжелым, вибрирующим скрипом. Веревочный сцеп между санями натянулся со струнным гулом, и вся цепочка медленно, но неотвратимо скользнула вслед за его широкими лыжами.

Андрей включил внутренний ритм.

В тяжелом таежном переходе главное — отключить эмоции и перевести дыхание в жесткий, циклический режим.

Шаг левой лыжей — вдох через нос (четыре секунды).

Шаг правой лыжей — выдох через шерстяную ткань подшлемника (четыре секунды).

Пешня вонзается в наст точно на каждый второй шаг.

Параметры работы его организма установились на преде-

ле технологической нормы. Пульс поднялся до ста тридцати ударов в минуту, под суконной кухлянкой на спине проступила первая, опасная струйка пота. Андрей тут же растегнул верхнюю пуговицу воротника, подставляя шею ледяному ветерку, чтобы снизить внутреннюю температуру и предотвратить намокание белья.

Прошло два часа.

Речной каньон постепенно сужался. Отвесные песчаные яры уступили место мрачным, серым гранитным скалам, облепленным многолетними панцирями из мутного льда. Скалы сходились над замерзшим руслом, образуя узкое, стометровое ущелье — естественную трубу, в которой сибирский ветер разгонялся до сквознякового гула.

Звуковой ландшафт изменился.

В ущелье не было тишины. Там стоял непрерывный, низкий, органнй гул: морозный ветер запутался в глубоких скальных трещинах и нависающих ледяных сосульках, выдувая из них сухой, заунывный свист.

Джек, шедший впереди в трех метрах, внезапно прижал уши и замедлил шаг.

Пес не рычал. Он остановился на вершине высокого ледяного тороса, образовавшегося на месте весеннего затора, и повернул морду назад — на юг, откуда они пришли.

Андрей мгновенно зафиксировал это движение.

Он не стал сбрасывать буксировочные ремни, чтобы не потерять инерцию движения, но руки сами опустились на ру-

коять СКС, висевшего у него на груди. Он остановился, тяжело дыша, и уперся пешней в лед.

В звнящем, органном гуле ветра, пробивающемся сквозь ущелье, появилось новое слагаемое.

Это был не шум падающего снежного козырька и не треск замерзающего дерева.

Далеко на юге — километрах в пяти от них, там, где у подножия песчаного увала осталась похороненная под дерном землянка — прозвучал удар.

Глухой, очень низкий, почти подземный толчок.

Он не дошел по воздуху в виде четкого звука выстрела — морозный плотный воздух погасил высокие частоты. Он пришел по гранитной подушке речного русла в виде микроскопической вибрации, передавшейся через сухую древесину лыж прямо в кости голеней Андрея.

Звук был один. Тяжелый, раскатистый, обладающий огромной кинетической энергией. Так звучит детонация промышленной взрывчатки в замкнутом бревенчатом объеме, когда восемьсот граммов аммонита рвут кирпичную кладку и сносят трехметровый накат из дерна и сосновых плах.

Загонщики Игнатова пришли к землянке.

Они пришли не в субботу к полудню, как рассчитывал Андрей по самым пессимистичным прогнозам. Они принесли на легких снегоходах или гусеничном транспортере ранним утром субботы, пройдя по горячим следам вчерашнего пат-

руля Рогожина.

Они дернули дверцу печи. Или наступили на скрытую струну у порога.

Андрей стоял на льду ущелья, не шевелясь. Пар от его частого дыхания белым облаком повис перед глазами, медленно оседая на вороненую сталь затвора СКС.

Внутри него не вспыхнула радость от сработавшей ловушки. В нем проснулась только сухая, жестокая инженерная констатация:

— Тормоз сработал, — тихо прошептал он в подшлемник. — Минус два или три загонщика. Но теперь у них есть трубы. И теперь они знают, что я не просто бродяга, а взрывотехник.

Он повернулся к саням.

Из брезентового полога высунулось побледневшее лицо Анны. Она тоже почувствовала эту подземную вибрацию льда. Ей глаза были расширены от ужаса, она понимала суть произошедшего без разъяснений.

— Они... они взорвали землянку? — шепотом спросила она.

— Да, — ответил Андрей, натягивая ремни на плечи с удвоенной силой. — Землянки больше нет. И нашего прошлого — тоже.

Он вонзил пешню в наст, заставляя тяжелые сани снова набрать инерцию, и скомандовал Джеку:

— Вперед, брат. Быстрее. У нас есть три часа, пока они

справятся с завалом и перегруппируются.

Отряд устремился в глубь узкого гранитного каньона, рас-секавшего Каменный пояс насквозь. Гонка за выживание пе-решла в свою завершающую, самую беспощадную фазу.

Ущелье сужалось резко, будто гигантский тектонический нож полоснул по скальному массиву Уральского хребта с юга на север. Здесь, в месте, где русло реки зажимали отвесные стометровые стены из серого, изъеденного выветриванием гранита, ширина каньона не превышала десяти шагов.

Ветровой сквозняк превратился в ледяной аэродинамиче-ский удар. Воздух, прогоняемый через эту узкую трубу, сви-стел в трещинах скал тонким, почти механическим звуком, срывая с вершин снежную пыль и выбивая из глаз слезы, ко-торые тут же замерзали на щеках жесткой ледяной крупой.

Андрей остановился, тяжело опираясь на древко пещни. Его дыхание вырывалось из груди густыми клубами пара, оседая инеем на меховом воротнике тулупа.

— Стоп, — бросил он через плечо.

Он отстегнул буксировочные ремни, сбросил с плеч натя-жение и оглянулся на сани. Анна в коконе из шкур и гагачье-го спальника вторых волокуш выглядела неподвижным хол-миком. Из брезентового зазора торчало только ее лицо — осунувшееся, бледное, с синеватой тенью вокруг запекших-ся губ.

— Где мы? — тихо спросила она, не размыкая глаз пол-ностью.

— Бутылочное горлышко, — Андрей окинул взглядом вертикальные стены. — Единственный проход на север через Каменный пояс на пятнадцать километров в обе стороны. Дальше — сплошные гольцы и непроходимые обрывы. Если загонщики хотят догнать нас на технике, они обязаны пройти здесь.

Он расстегнул страховочные ремни на вторых санях и рывком вытащил их за пределы ледового русла в узкую, занесенную глубоким сугробом нишу у самого основания западной скалы. Сверху нависал огромный, покрытый синими сосульками гранитный козырек, защищавший от любого обзора.

— Сидеть здесь, — сказал Андрей, опускаясь перед ней на одно колено и проверяя затяжку ремней на ее ногах. — Не шевелиться, из спальника не вылезать. Джек, охранять.

Пес тут же молча улегся у самого входа в нишу, положив массивную голову на лапы и прижав уши. В его глазах читалось полное, абсолютное понимание момента: никаких лишних движений, никакой игры — рабочая обстановка таежного хищника, защищающего свое логово.

Андрей взял карабин СКС, проверил предохранитель и плотнее перехватил ложу. В кармане его тулупа лежал тяжелый, готовый к бою «Кедр», а в патронташе — запасная обойма на десять патронов 7,62x39.

Ему нужно было занять позицию выше по склону.

Обойдя нишу, он нашел старый, засыпанный лавинным

выносом курумник — груды огромных гранитных валунов, обвалившихся со стены еще до начала Катастрофы. Цепляясь за выступы камней оледеневшими пальцами в тонких перчатках, Андрей пополз вверх по крутому, сорокаградусному осыпному склону на высоту метров двенадцати над уровнем русла.

Позиция открывалась безупречная.

Сверху узкое горлышко ущелья просматривалось на триста метров вперед в сторону южного выхода. Любая цель, движущаяся по льду реки, оказывалась как на ладони — в мертвом перекрестии прицела или на прямой траектории тяжелой пули.

Он лег на живот в глубокую снежную выемку между двумя плоскими валунами, подложив под себя кусок армейского брезента. Ветер здесь свистел с такой силой, что пытался вырвать карабин из рук, но Андрей придавил оружие весом собственного тела.

Он замер. Началось то самое долгое, выматывающее ожидание, в котором секунды растягивались вязкой, тягучей массой.

Прошло сорок минут.

В гуле ветра над каньоном зародился новый звук. Сначала он воспринимался как далекое, едва уловимое изменение частоты звукового фона, но с каждой минутой этот звук рос, наливаясь тяжелой, механической уверенностью.

Гусеничный рев.

Игнатов не пожалел солярки. Против беглецов бросили не просто легкие охотничьи снегоходы, а тяжелый армейский тягач или снегоболотоход типа ГТ-СМ (ГАЗ-71) с широкими резинометаллическими гусеницами, способными идти по любому глубокоснежью.

Через пять минут из-за правого поворота ущелья на полной скорости вылетел угловатый силуэт снегоболотохода. Машина шла тяжело, ревя мотором на пониженной передаче, из-под ее широких гусениц во все стороны летели куски слежавшегося наста и ледяная крошка. На крыше кабины была закреплена турель с фарой-искателем, а в открытом десантном кузове сидели четверо бойцов в армейских бекешах и шлемофонах. В руках у двоих отчетливо угадывались стволы автоматов Калашникова.

Они не ожидали встретить сопротивление здесь, в каньоне. Они двигались по горячим следам взорванной землянки, уверенные, что истощенный одиночка с бабой на санках катится по ледяной трубе без шансов на спасение.

Машина поравнялась с тем местом, где у самого входа в горлышко лежали свежие следы полозьев.

Механик-водитель резко сбросил газ, машина заскользила гусеницами по гладкому льду, разворачиваясь боком, и остановилась в пятидесяти метрах ниже позиции Андрея.

Дверь кузова со стуком откинулась. На лед прыгнул человек в офицерском полушубке с новенькими серебряными погонами на плечах — судя по выправке и жесткому, власт-

ному движению руки, это был сам комендант Игнатов собственной персоной.

Он подошел к следу волокуш, наклонился, тронул рукой свежую царапину на насте и выпрямился, оглядывая сужающиеся стены каньона.

Андрей лежал на камнях, прижавшись правым глазом к штатной механической прицельной планке СКС. Расстояние — сорок восемь метров. Угол снижения — пятнадцать градусов. Ветер боковой, порывистый, но на такой дистанции пуля 7,62x39 с массой сердечника в 7,9 грамма идет почти прямо.

В прорези целика четко выделялся черный воротник полушубка коменданта.

Один плавный выдох. Палец касается спускового крючка.

Андрей медленно качнул головой влево, отводя ствол в сторону.

Он не стал стрелять в Игнатова.

Убить коменданта сейчас — значит превратить эту погоню в личную вендетту всего «Старания». Они бросят все силы, поднимут по тревоге весь гарнизон цементного завода, задействуют оставшуюся технику и будут гнать их по тайге до тех пор, пока те не упадут замертво от истощения. Цель арьергардной засады заключалась не в ликвидации руководства, а в создании непреодолимого психологического барьера и выигрыше времени.

Ствол СКС сместился правее — на моторный отсек сне-

гоболотохода, выступавший массивным бронированным кожухом перед лобовым стеклом.

Андрей плавно выбрал свободный ход спускового крючка.

Выстрел прозвучал сухим, раскатистым грохотом, многократно усиленным гранитными стенами ущелья.

Пуля калибра 7,62 пробила тонкий стальной лист моторного отсека снегохода насквозь. Внутри машины с металлическим скрежетом что-то лопнуло, из-под капота с шипением вырвался густой клуб сизого масла и кипящего антифриза, а двигатель заглох с резким, металлическим стуком.

Солдаты в кузове и сам Игнатов от неожиданности рухнули на лед, мгновенно вскидывая оружие.

— Контакт! Сверху! — взревел один из бойцов, судорожно передергивая затвор автомата.

В следующую секунду над головой Андрея заунывно запели пули. Автоматная очередь вспорола снежный надув на краю валуна, засыпав его лицо мелкой ледяной крошкой.

Андрей не суетился. Он работал по отработанной армейской схеме: выстрел — смещение позиции на два метра вбок по курумнику — второй выстрел.

Он перенес огонь на фару-искатель, смонтированную на крыше машины.

Тяжелая пуля разнесла стеклянный отражатель вдребезги, осыпав капот искрами раскаленной вольфрамовой нити.

— Работаем! — крикнул Игнатов, поднимаясь с колен и отчаянно матерясь. — По скалам! Выкурить падлу!

Но они не могли поднять машину по крутому обрывному склону, а пешком карабкаться по ледяному курумнику под прицелом невидимого стрелка означало идти на верную бойню. Узкое горлышко ущелья работало идеальным заслоном.

Андрей сделал еще два быстрых выстрела поверх голов, заставляя загонщиков прижаться животами к замерзшему грунту, подхватил карабин и, пригибаясь за гранитными выступами, начал быстрый, отработанный спуск к нише, где ждали Анна и Джек.

Задание было выполнено: техника «Старания» остановлена, двигатель пробит, время выиграно. Оставалось только уходить дальше на север — туда, где скалы смыкались окончательно, превращаясь в лабиринт вечного льда и тишины.

Отход был подобен работе часового механизма, из которого вынули циферблат, оставив только сухую, неумолимую кинематику шестерен.

Андрей съехал по обледенелому курумнику вниз, прижимаясь спиной к гранитному массиву, чтобы не сорвать пласт слежавшегося наста. Камус на лыжах при каждом торможении издавал сухой, шипящий звук. Внизу, в скальной нише, где ждали волокуши, висел сизый парок — дыхание пса и редкий, поверхностный выдох Анны.

— Подъем, — коротко, без эмоций скомандовал Андрей. Он не стал слушать ее отклик. Его движения были лишены суеты, доведены за пятнадцать лет одиноких походов до автоматизма. Он перекинул через грудь ремни буксировоч-

ной сбруи, затянул грудную перемышку так, чтобы дышать можно было только нижней третью легких — глубоко и ровно, — и вонзил пешню в лед.

Соединенная цепочка волокуш неохотно вздрогнула. Шкуры на полозьях со скрежетом сорвались со спрессованной ледяной подушки, и сто тридцать килограммов чужого веса, железа и провизии снова навалились на его плечи тяжелым, тупым якорем.

Сзади, из глубин каньона, доносился хаотичный, захлебывающийся треск.

Солдаты Игнатова, оправившись от шока и пойманных пуль, палили вслепую по верхнему карнизу курумника. Одиночные пули калибров 7,62 и 5,45 со свистом и сухим треском впивались в гранитные кручи в ста метрах позади, выбивая из скал фонтанчики каменной пыли и ледяной крошки. Но этот огонь был бесполезен. Они были заперты внизу с пробитым мотором тяжелого снегоболотохода, а их пешие застрельщики не решались штурмовать вертикальный обрыв под прицелом невидимого карабина.

— Пускай жгут патроны, — прохрипел Андрей сам себе в шерстяной подшлемник. — Помогает согреться.

Он заставил себя не думать о тех, кто остался у подбитой машины. В зимней тайге побеждает не тот, кто сделал больше выстрелов, а тот, кто правильнее рассчитал суточный баланс тепла и километража.

Путь на север уходил в крутой подъем.

Речной каньон кончился внезапно. За очередным рельефным поворотом замерзшее русло превратилось в узкий, промерзший до самого дна водоскат — нагромождение трехметровых ледяных ступеней, где застывшая весной вода образовала гигантский слоистый каскад.

Обходить этот каскад на волокушах по гладкому натечному льду было равносильно падению в пропасть. Андрей снял лыжи, пристегнул их к боковине первых саней и натянул на обувь «кошки» — самодельные стальные трикони с шестью калеными шипами, выточенными из тракторных пальцев.

Каждый шаг давался с диким, физическим напряжением. Он вбивал шипы в синий, прочный, как броня, натечный лед, наклонял туловище вперед почти параллельно склону и буквально на зубах вытаскивал за собой цепочку саней шаг за шагом, метром за метром.

Нагрузка на квадрицепсы и поясницу стала физиологической пыткой. В ушах стоял тяжелый, ритмичный гул — пульс подскочил до ста сорока ударов в минуту. Пот, несмотря на тридцатипятиградусный мороз, пробивался сквозь термобелье на лопатках. Андрей вынужден был постоянно приоткрывать ворот кухлянки, подставляя колючему ветру грудь, чтобы не допустить намокания внутренних слоев одежды.

Анна в санях не шевелилась. Ее организм, сломленный лихорадкой и первыми этапами согревания, погрузился в глубокое, летаргическое забытие. Лишь редкий, сиплый свист вырывался из-под брезентового клапана, да Джек вре-

мя от времени тыкался носом в ее заиндевевшую шапку, проверяя, жива ли «добыча».

К четырем часам дня сумерки начали накрывать Уральский хребет.

Они вышли из каньона на высшую точку перевала — в зону так называемых «гольцов».

Здесь тайга кончалась полностью. Прекратились даже карликовые, искривленные ветрами лиственницы и ползучий кедровый стланик. Вокруг расстилалось бесконечное, сюрреалистическое пространство белого и серого: гигантский скальный амфитеатр заброшенного советского карьера, окруженный с трех сторон отвесными гранитными стенами высотой в сотни метров.

Ветер на гольце не гудел — он ревел.

Это был чистый, неподдельный арктический ветродуй, несущий по поверхности наста плотную, полуметровую поземку — «низовую метель». Снежная крупа с тихим, сухим шелестом неслась по насту со скоростью пятнадцати метров в секунду. Она забивалась в любые щели одежды, заклинивала затворные задержки оружия и мгновенно заносила только что выбитые шипами следы.

Температура упала до минус тридцати восьми.

Андрей остановился, тяжело опираясь на пешню. Его руки в трехслойных рукавицах потеряли чувствительность в кончиках пальцев — первый признак того, что периферийное кровообращение начинает сдавать под натиском комби-

нированного воздействия холода и тяжелой физической работы.

Он вытащил монокуляр, прижал его к глазу.

Карьер смотрел на него мертвыми, засыпанными снегом окнами прошлого.

В советскую эпоху здесь пытались добывать редкие полиметаллические руды и стратегическую слюду. В пятидесятых объект засекретили, обнесли тремя рядами колючей проволоки, завели тупиковую ветку узкоколейки и переименовали в «Объект 402». В конце восьмидесятых годов прошлого века финансирование иссякло, горняков эвакуировали, а вход в подземный комплекс запечатали по стандартному технологическому регламенту консервации.

В окуляре монокла, сквозь сетку несущейся поземки, проявились контуры искусственного сооружения.

Это был портал.

Огромная, монументальная арка из железобетона, врезанная прямо в монолитную грань скального массива. Арка имела высоту метров шесть и ширину не менее восьми. Когда-то сквозь нее могли свободно проходить груженные карьерные самосвалы или узкоколейные тепловозы.

Но сейчас вход в «Объект 402» был мертв.

Он был запечатан.

Из глубокой скальной трещины над сводом арки десятилетиями сочилась грунтовая вода. За тридцать лет после заброса объекта эта вода, смешиваясь с весенними талыми

снегами, образовала внутри портала гигантский, монолитный ледяной панцирь.

Вход в подземный штрек представлял собой сплошную, идеально гладкую стену из синевато-зеленого, бутылочного льда толщиной не менее трех метров.

Лед запечатал портал наглухо. Он врос в железобетонную облицовку арки, заполняя все технологические зазоры и превращая вход в подземный бункер в нерушимый монолит, созданный самой природой.

Андрей подошел к ледяной стене вплотную.

Он сбросил плечевые ремни волокуш, приблизился к монолиту и с силой ударил по нему граненым пиком пещни.

От удара по синему льду отскочила лишь крошечная, прозрачная чешуйка размером с монету. Стальной пик отскочил от поверхности с чистым, хрустальным звоном, едва оставив белесую царапину.

Лед был заморожен на всю глубину. Это была не рыхлая снеговая наледь — это был давленный, плотный натечный лед высокой плотности, по своей прочности не уступавший слабому бетону.

Чтобы пробить в такой стене тоннель, достаточный для прохода человека с волокушами, требовалось либо три дня непрерывной работы тяжелым отбойным молотком или ломом, либо пятьдесят килограммов аммонита, которого у Андрея больше не было.

— Черт... — тихо выдохнул Андрей. Пар от его слов мгно-

венно налип инеем на синий ледяной монолит.

За его спиной ревел буран гольца.

Температура продолжала падать. Через час наступит абсолютная, вымороженная горная ночь. На открытом пространстве карьера, при ветре пятнадцать метров в секунду и морозе под сорок, они не выживут до утра даже в гагачьем спальном мешке. Загонщики Игнатова бросили технику, но их пешие штурмовые группы, обутые в профессиональные снегоступы, уже могли подниматься по руслу ущелья.

У них оставался единственный выбор: закрепиться здесь, у самого входа в запечатанный штрек, используя ветровую тень железобетонного портала.

Андрей действовал быстро, подчиняя каждое движение рефлексу самосохранения.

Он затащил волокуши внутрь полукруглой железобетонной ниши портала. Здесь, под защитой пятиметрового бетонного козырька, ветер терял свою дикую силу, превращаясь в ровное, терпимое поглаживание. Поземка не залетала в глубину ниши, оседая снаружи высоким, волнистым барханом.

Первым делом он соорудил снежно-брезентовый заслон.

С помощью саперной лопатки Андрей вырезал из плотно-го, слежавшегося заструга десятков тяжелых снежных блоков — «кирпичей» размером сорок на шестьдесят сантиметров. Из этих блоков он выстроил у входа в нишу двухметровую стенку, перекрывшую доступ внешнему ветру.

Образовалась крошечная, непродуваемая снежная пещера размером три на три метра, ограниченная сзади синей ледяной стеной запечатанного штрэка, а спереди — защитным блочным бруствером.

Он перенес Анну из саней на сухую подстилку из лосиных шкур.

Она пришла в себя. Ее глаза были открыты, она смотрела на синий гигантский монолит льда перед собой с тихим, застывшим изумлением.

— Это... База? — шепотом спросила она. Голос был едва слышен за гулом ветра, бьющегося в бетонный козырек.

— Это вход, — ответил Андрей, зажигая коптилку и устанавливая ее в выдолбленную в снежной стене нишу. — Штрэк запечатан наледью. Три метра синего льда.

— Мы... мы не пройдем дальше?

Андрей опустился перед ней на колени, вытащил из багажного короба волокуш маленький чугунный котелок, засыпал туда сухую чагу, сушеное мясо и набил его плотным снежным брикетом.

— Пройдем, — спокойно сказал он, доставая из кармана сухое горючее и медную горелку. — У инженеров не бывает тупиков. Бывают задачи с разным расходом времени и энергии.

Он посмотрел на тусклый язычок пламени, вспыхнувший на меди.

За их спинами, за пределами бетонного портала, ревел бу-

ран, окончательно замечая последние следы на гольце. Где-то там, внизу, в темном ущелье, застряли каратели «Старания». Они были злы, ослеплены потерями и жаждали крови.

А здесь, у ледяного порога запечатанного подземного бункера, двое людей и пес готовились к своей первой ночи в Каменном поясе.

Глава 3. Вскрытие штрека

Снежный купол, выстроенный из плотных настовых блоков внутри железобетонного портала, сжал пространство до пределов человеческого дыхания.

Внутри временного бивуака установилась странная, неестественная тишина. Снаружи, за тридцатисантиметровой стеной из спрессованного заструга, ревел горный буран: ветер выл в решетках заброшенной узкоколейки и с коротким, плетеподобным свистом срывал со скальных карнизов ледяную крупу. Но здесь, в зазоре между полукруглым сводом арки и трехметровым монолитом синего льда, воздух был неподвижен.

Свеча в гильзе горела ровным, золотистым язычком. В ее свете ледяной щит запечатанного штрека казался прозрачным, глубинным аквариумом: в толще промерзшей массы просматривались застывшие тридцать лет назад пузыри воздуха, искривленные обрывки ржавой арматуры и вмерзшая сосновая крепежная стойка.

Андрей сидел на деревянном коробе волокуш, положив локти на колени.

Он снял тяжелый тулуп, оставшись в суконной кухлянке. В замкнутом объеме снежной пещеры температура постепенно поднималась. Физика снежного укрытия работала безупречно: снежные блоки, на девяносто процентов состоящие из запертого в микроскопических порах воздуха, обладали ничтожной теплопроводностью. Тепла двух человеческих тел, дыхания собаки и крошечной горелки на сухом спирте хватало, чтобы за два часа поднять температуру с минус тридцати восьми до минус четырех градусов.

Это была граница жизнеобеспечения. При минус четырех градусах не замерзала в котелке натопленная из чистого наста вода, а бинты на руках и ногах Анны не превращались в жесткие деревянные панцири.

— Пей, — Андрей протянул женщине глиняную плошку.

В плошке плавал густой, маслянистый отвар из сушеной рыбы, растертых ягод шиповника и щепотки соли. Запах горячего навара и рыбьего жира заполнял пещеру, вытесняя въевшийся в бетон запах вечной сырости и старого железа.

Анна приняла плошку обеими руками. Ее пальцы, обмотанные суконными полосами, все еще содрогались от неуправляемой мелкой дрожи — следствия глубокой истощенности нервной системы. Она пила мелкими, осторожными глотками, не отрывая взгляда от синей ледяной стены перед собой.

— Сколько... здесь льда? — спросила она. Голос прозвучал чуть чище, чем днем, хотя в гортани по-прежнему прослеживался сухой, лагерный хрип.

— В глубину — около трех метров, — ответил Андрей. — Это натечная пробка. Ручей со скалы затекал в портал годами, слой за слоем, пока полностью не запечатал технологическое сечение штрека. Общий объем монолита в границах арки — около сорока кубических метров.

— И его... нельзя взорвать?

— Можно, — Андрей достал из кармана кусочек угля и набросал на плоском снежном блоке перед собой схематичный чертеж портала. — Если у тебя есть два цинка армейского аммонита или детонирующий шнур. Но у нас нет взрывчатки. Те три шашки, что ушли на землянку, были последними. Но даже если бы они были — взрыв в замкнутом бетонном портале отколет тонны породы с потолка и окончательно завалит вход гранитными глыбами. Нам нужен не взрыв. Нам нужен сквозной проход сечением восемьдесят на восемьдесят сантиметров.

Она посмотрела на его сухие, мозолистые ладони, на лежащий у ног топор и тяжелую саперную лопатку.

— Рубить?

— Рубить лед такой плотности топором — это выброс энергии в пустоту, — Андрей качнул головой. — На один кубометр натечного льда при этой температуре уходит до трех тысяч ударов. У меня нет ресурса по калориям, чтобы ма-

хоть обухом двое суток без перерыва. К тому же сталь на сорокаградусном морозе крошится, как сухое стекло.

Он поднялся, подошел к ледяной стене и приложил к ней полуголую ладонь.

Лед был холодным, плотным, отнимавшим тепло мгновенно. Но Андрей смотрел на него не как на врага, а как на инженерную задачу.

В физике существует понятие удельной теплоты плавления льда. Чтобы превратить один килограмм льда при температуре минус пять градусов в воду, требуется затратить триста тридцать четыре килоджоуля энергии. Если перевести это на понятный язык ресурсов — один килограмм сухих сосновых дров или полкилограмма древесного угля при сгорании выделяют достаточно энергии, чтобы растопить до пятнадцати килограммов плотного льда, если направлять тепловой поток с высокой точностью.

Метод термического протаивания.

— Мы будем жечь лед, — тихо сказал Андрей, поворачиваясь к Анне.

— Жечь? Снегом и водой?

— Направленным тепловым потоком.

Он опустился перед санями и вытащил из багажного комода свой главный технологический резерв — двухметровый отрезок тонкостенной стальной трубы диаметром пятьдесят миллиметров и два листа кровельного железа, спасенные им из руин совхозной мастерской еще десять лет назад.

План проходки складывался в его голове с математической четкостью.

* Создание теплового экрана: из листов кровельного железа собирается узкий, наклонный отражатель — «жаровня», устанавливаемая вплотную к ледяной стене.

* Запуск камеры сгорания: внутри жаровни закладывается узкий, концентрированный костер из высококалорийного древесного угля. Запас угля в волокушах — около восьми килограммов. При сгорании угля температура в зоне контакта с ледяной стеной поднимется до шестисот градусов.

* Гидроотвод: талая вода не должна затапливать бивуак. Под зоной протаивания в снежном полу выкапывается дренажная канава с уклоном наружу, в сторону карьера. Вода будет стекать по канаве под бетонный порог, замерзая на внешнем склоне.

* Проходческий канал: по мере выгорания льда жаровня на стальных полозьях продвигается вглубь образовавшейся ниши, выедавая в трехметровом монолите ровный тоннель-лаз.

— Это займет... — Анна попыталась подсчитать.

— Восемь-десять часов, — перебил ее Андрей. — Уголь дает ровный, бездымный жар. Если отрегулировать приток кислорода через приточную трубу из снежного блока — внутри нашей пещеры не будет чада. Мы пройдем лед до утра.

Он взглянул на часы на левом запястье. Старый механи-

ческий «Командирский» хронометр тихо и ритмично тикал под замшевым ремешком.

Восемь часов вечера.

Где-то там, далеко внизу, за пятью километрами обледенелых круч и заваленных торосами каньонов, загонщики Игнатова обустроивали свой ночной лагерь у подбитого снегоболотохода. Они не пойдут на голец ночью. На открытом Уральском перевале при тридцати восьми градусах мороза и ночном ветре пятнадцать метров в секунду любой пеший отряд без капитального укрытия замерзает насмерть за четыре часа.

У него было окно безопасности до первых лучей рассвета.

— Анна, — Андрей жестом руки указал ей на пуховый спальник. — Ложись. Твоя задача — спать и копить тепло. Проходку я делаю один.

Она не стала спорить. Впервые за много дней в ее глазах промелькнула не паническая готовность к смерти, а сухая, глубокая надежда на человека, который не совершал суетливых движений и не произносил лишних слов.

Она залезла в спальный мешок по самый подбородок, подтянула к себе суконные пологи и закрыла глаза.

Джек лег у ее ног, оперевшись спиной в борт волокуш.

Андрей достал из угла плотницкий топор, саперную лопатку, стальной лист и принял первое полено выдержанного соснового смоляка.

Первый шаг к вскрытию «Базы 402» начался.

Первый удар обухом по стальному листу отозвался в закрытом снежном объеме коротким, гулким звоном. Лед запечатанного портала принял вызов.

Когда первые раскаленные докрасна уголья, выгребленные из горелки, легли на стальной лист, прижатый к синему монолиту, лед отозвался не треском — он зашипел. Это был долгий, змеиный звук, с которым раскаленное железо погружается в ледяную воду. В ограниченное пространство снежной пещеры мгновенно вырвалось густое, белое облако сухого пара, затянувшее под потолок и на секунду полностью скрывшее тусклый язычок свечи.

Пар поднимался вверх, упирался в холодный бетонный свод портала и тут же выпадал обратно тончайшей, искрящейся игольчатой изморозью.

— Тише... — прошептал Андрей сам себе, поправляя сумочную рукавицу.

Первая фаза проходки требовала от него хирургической точности. Если подать на лед слишком много тепла сразу, натечный монолит от резкого перепада температур — с минус тридцати пяти до плюс пятисот градусов — даст внутренние термонапряжения. Монолит начнет стрелять короткими, острейшими ледяными осколками, или, что хуже, лопнет по всей высоте арки, запечатав нишу обвалом.

Андрей действовал через «буферную подушку».

Между стальным листом жаровни и льдом он проложил пятисантиметровый слой мелкой сосновой щепы. Щепы не

горела открытым пламенем — она тлела, обугливалась, равномерно распределяя тепловую энергию по всей площади соприкосновения.

Процесс пошел.

Лед перед жаровней начал быстро и бескомпромиссно плавиться. Он не стекал ручьями — он выгорал. В теле си- него монолита образовалась ровная, цилиндрическая ниша диаметром около девяноста сантиметров.

Талая вода, темная от угольной пыли и вековой грязи, вмерзшей в портал еще при советской власти, устремилась вниз. Она стекала по заранее выдолбленному в снежном полу каналу, уходя под блочный бруствер наружу, где на сорокаградусном морозе мгновенно застывала гладкой, черной наледью.

Андрей работал без паузы.

Каждые пятнадцать минут он продвигал стальной лист жаровни вглубь протаявшей ниши на пять-семь сантиметров, подкладывая на угли свежие порции березового угля. Чтобы угли не гасли в замкнутом пространстве, он использовал кустарный «привод» — отрезок оцинкованной вентиляционной гофры, выведенный нижним концом к притоку свежего воздуха у самого пола. Естественная тяга, создаваемая разницей температур между морозным наружным воздухом и раскаленной жаровней, работала как идеальные кузнечные мехи.

К полуночи проходческий канал ушел вглубь монолита на

метр с четвертью.

Андрей находился внутри образовавшегося ледяного тоннеля по пояс.

Это было странное, почти клаустрофобное ощущение. Вокруг него смыкались гладкие, оплавленные стены из абсолютно прозрачного льда, подсвечиваемые снизу алым, пульсирующим свечением угля. Внутри этого ледяного цилиндра температура воздуха держалась на отметке плюс пятнадцать градусов, стоял густой запах пареного дерева, древесного дыма и сырой бетонной пыли.

Но вместе с успехом проходки пришла первая, самая коварная угроза.

Угарный газ.

Оксид углерода не имеет ни цвета, ни запаха. При сгорании угля в условиях ограниченного объема он образуется непрерывно. В отличие от углекислого газа, который оседает книзу, угарный газ имеет плотность, близкую к плотности воздуха, и заполняет замкнутые ниши незаметно, вытесняя кислород и блокируя гемоглобин в крови.

Первым симптомом стало не удушье.

Андрей почувствовал, как его виски сжала плотная, тяжелая обручная боль. В ушах возник тонкий, звенящий гул, похожий на звук далекого комариного писка, а пальцы рук, державшие металлический скребок для удаления шуги, внезапно потеряли привычную цепкость.

Он мгновенно замер.

Опыт инженера сработал раньше паники.

— Назад... — вытолкнул он из груди, вываливаясь из ледяного тоннеля спиной вперед прямо на сухую подстилку снежной пещеры.

Он тяжело рухнул на колени перед бруствером, сорвал с лица подшлемник и прижался губами к приточному отверстию у самого пола, жадно, глубокими глотками втягивая ледяной, обессоленный наружный воздух.

Морозный воздух обожег легкие, как сухой спирт, выбивая из глаз слезы, но тупая пульсация в висках начала медленно спадать.

Из спального мешка поднялась Анна.

Ее глаза в полумраке пещеры были широкими, тревожными. Она видела, как Андрей валится на снег, хватая ртом воздух, и понимала суть происходящего без слов.

— Газ?.. — прошептала она.

— Угар, — коротко ответил Андрей, вытирая заиндевшим рукавом пот со лба. — В ледяной трубе нет сквозной вентиляции. Пар поднимается к своду, остывает и запирает выхлоп угля внутри проходческого канала. Застойная зона.

— Что делать? Нам нельзя останавливаться.

Андрей поднялся, опираясь на саперную лопатку. Его начало, но мысли прояснялись с каждым выдохом.

— Нужен депрессионный перепад. Оконная вентиляция по принципу сифона.

Он взял длинное буровое долото — пятидесятисантимет-

ровый стальной стержень с победитовой напайкой, который хранил в инструменте еще со времен строительства землянки, — и молоток.

Вернувшись к входу в протаявший тоннель, Андрей выбрал точку у самого верха ледяного свода и начал бить.

Звук ударов стали о замороженный лед в замкнутом пространстве отзывался сухим, барабанным треском. Андрей выбил в верхней части монолита наклонное отверстие диаметром пять сантиметров, выходящее в верхнюю часть бетонного портала.

Физика воздуха изменилась мгновенно.

Образовалась классическая тяга: холодный наружный воздух снизу затягивался в проходческий канал через нижний зазор, подпитывал горение угля, а нагретые газы вместе с угарным выхлопом с ревом устремлялись вверх, в выбитый продух, выходя за пределы укрытия.

Звон в ушах утих.

Андрей смахнул со лба сырую ледяную крошку и снова залез в тоннель.

Проходка возобновилась.

К трем часам ночи глубина лаза достигла двух метров десяти сантиметров.

До противоположного края монолита — до чистого пространства подземного штрека «Объекта 402» — оставалось менее девяноста сантиметров.

И именно в этот момент лед «заговорил».

Это произошло не снаружи. Звук родился в самой толще трехметрового монолита, прямо над головой Андрея.

Звук был похож на выстрел из крупнокалиберной винтовки, раздавшийся внутри монолитного стекла.

Андрей замер с поднятым скребком в руке.

В глубине прозрачного синего льда, подсвеченного алым пламенем жаровни, на его глазах выросла гигантская, молниеносно проросшая трещина. Она прошла по диагонали через весь свод протаянного тоннеля — от бетонной обделки арки до самого низа ледяного щита.

Монолит перегрузился.

Многолетние внутренние напряжения, сухой мороз снаружи и локальный нагрев изнутри сделали свое дело: трехметровая ледяная пробка потеряла монолитную целостность и распалась на два гигантских, многотонных блока, удерживаемых вместе только трением о бетонные стены портала.

Если верхний блок сдвинется хотя бы на пять сантиметров — протаянный тоннель схлопнется мгновенно, погребя Андрея под сотнями килограммов синего льда.

В пещере снова воцарилась абсолютная, звенящая тишина, в которой слышно было только, как в жаровне с тихим пощелкиванием догорает последний березовый уголь.

В течение нескольких секунд, казавшихся бесконечными, под бетонным сводом портала стояло высокое, сухое пощелкивание. Это микроскопические внутренние напряжения искали новый вектор равновесия. Трещина, расщепляя

прозрачный синий лед по диагонали, на глазах покрылась сетью мелких, белесых, похожих на паутину волокон. Верхний блок льда массой не менее пяти тонн осел на какую-то долю миллиметра, спрессовав в зазоре старый шлам и заклинив жаровню.

Андрей не выскочил из ледяного тоннеля.

За пятнадцать лет борьбы с природным материалом — деревом, камнем, льдом — он выработал рефлекс, спасающий жизнь: при резкой подвижке массива паническое бегство почти всегда приводит к попаданию под срез. Нужно замереть, превратившись в слух и осязание.

Он прижал ладони в перчатках к холодным боковым стенкам протаянного тоннеля, ощущая кожей пальцев вибрацию массива.

Вибрация затихала.

Главные плоскости трения уперлись в грубый, шершавый бетон советской облицовки арки. Железобетон выдержал сдвиг. Верхняя срезанная глыба заклинила сама себя по принципу замкового камня в готическом своде. Но это равновесие было хрупким, временным: от следующего неосторожного удара или термического расширения лед мог снова пойти.

— Окна нет, — прошептал Андрей. — Надо ломать остаток прямо сейчас.

До противоположного края монолита — до чистого объема заброшенного штрека — оставалось не более восьми-

десяти сантиметров перемычки. В месте, где прошла магистральная трещина, лед ослаб, потерял внутреннюю вязкость и стал хрупким, как перекаленное стекло.

Андрей перехватил тяжелую стальную пешню за самый комель.

В узком пространстве ледяного тоннеля замахнуться по-настоящему было невозможно. Приходилось работать только мышцами предплечий и спины, нанося короткие, плотные, поршневые удары точно в перекрестье трещины и протаянного забоя.

Стальной пик вошел в лед на десять сантиметров. От точки удара во все стороны брызнули веером прозрачные, острейшие чешуйки.

Второй удар. Лед под лезвием не сопротивлялся — он крошился сухими, крупными кристаллами.

Третий удар Андрей нанес всей массой корпуса, вложив в него весь остаток сил, накопленный за ночь.

Пролом произошел не со звуком скола.

Остаток ледяной перемычки просто лопнул, провалился внутрь, и стальная пешня Андрея со свистом ушла в пустоту по самое древко, не встретив сопротивления.

В следующую секунду физика двух объемов вступила в жесткое, бескомпромиссное взаимодействие.

Из образовавшегося отверстия диаметром всего в десять сантиметров вырвался воздух.

Это не был сквозняк. Это был барометрический выхлоп

— результат разницы давлений и температур между раскаленной пещерой портала и гигантским, запечатанным тридцать лет назад подземным пространством «Объекта 402».

Воздух из штрека вырвался с гулким, свистящим вдохом. Он был совсем другим.

В нос Андрея мгновенно ударил концентрированный, ледяной, абсолютно обессоленный запах заброшенного подземелья. В нем не было ни хвои, ни березового дыма, ни человеческого пота. Там пахло стерильной гранитной пылью, застоявшимся машинным маслом, вымороженным сухим бетоном и ржавым железом — тем самым специфическим ароматом глубоких советских военных бункеров, где вентиляция остановилась несколько десятилетий назад.

Температура воздуха, хлынувшего из глубины массива, была фиксированной: около минус трех градусов. Для подземелья на глубине пятидесяти метров под гранитным панцирем Урала это была естественная, вечная температура горного массива, не зависящая от того, бушует ли снаружи сорокаградусный мороз или стоит июльская жара.

Андрей прижал глаз к пробитому отверстию.

В абсолютной, непроглядной тьме штрека тусклый отсвет его горелки выхватил из черного ничто лишь малую деталь: ровную, покрытую тонким слоем сухой игольчатой изморози бетонную стену и идущую вдоль нее нить толстого бронированного кабеля на чугунных подвесах.

Путь был открыт.

Расширение пролома заняло еще сорок минут.

Работа уже не требовала опасных ударов. Андрей методично, сантиметр за сантиметром, откалывал крошащиеся края ледяного окна саперной лопаткой, превращая узкую дыру в ровный, овальный лаз размером восемьдесят на девяносто сантиметров.

Чтобы предотвратить случайный сдвиг расколотого верхнего блока, он применил страховочный расклин: вогнал в магистральную трещину два тяжелых сосновых клина, выточенных из бруса, и подпер их снизу стальным листом жаровни. Теперь лед был зафиксирован жестким деревянно-металлическим замком.

Когда лаз был готов, Андрей вывалился из тоннеля назад, в снежную пещеру.

Его суконная кухлянка сплошь покрылась черной угольной копотью и сырой ледяной кашей. Руки дрожали от непрерывного мышечного напряжения, но в глазах горел сухой, жесткий огонь победы.

В пещере уже менялся свет.

Сквозь щели между снежными блоками заслона пробивался бледный, серо-голубой свет горного рассвета. Наступало утро пятницы. Ветродуй на гольце не утих, но его рев стал ровнее, падение температуры остановилось на отметке минус тридцать шесть градусов.

— Пора, — сказал Андрей, опускаясь перед Анной.

Она не спала. Она сидела в спальном мешке, поджав ко-

лени к подбородку, и следила за каждым его движением. На ее бледном лице, подсвеченном сбоку тусклым язычком копилки, отражался весь сложный путь от панического ожидания смерти до глухой, нерастраченной веры в человека, который вытащил ее из каньона.

— Там... можно дышать? — тихо спросила она.

— Там тепло, — ответил Андрей, расстегивая клапаны саеней. — Минус три градуса. Нет ветра. Нет загонщиков. Никакая техника Игнатова сквозь этот ледяной щит не пройдет.

Он помог ей выбраться из спального мешка.

Анна попыталась встать на ноги, но промерзшие, туго забинтованные ступни по-прежнему отказывались держать вес тела. Андрей не стал мучить ее расспросами: он просто подхватил ее на руки, накинул на нее овчинный тулуп и залез с ней в протаянный лаз.

Преодоление трехметрового ледяного коридора заняло минуты.

Андрей продвигался на коленях, толкая Анну перед собой по гладкому, протаянному полу тоннеля, пока ее голова и плечи не пересекли границу ледяного монолита и не погрузились в черную пустоту подземного штрака.

— Принимай, — шепнул он.

Она перевалилась через ледяной порог и опустилась на сухой, покрытый ровным гранитным отсеком пол подземелья.

Следующим в проход устремился Джек. Пес не боялся

темноты — за годы жизни в тайге он привык доверять чутью хозяина. Он скользнул сквозь лаз, выскочил на сухой бетон, мгновенно опустил морду к полу и замер, увлеченно и тревожно обнюхивая древние, почти сорокалетние запахи заброшенного бункера.

Затем началась самая тяжелая часть — транспортировка имущества.

Андрей перетаскивал волокуши по одной.

Сначала он разгрузил первые сани, передавая тяжелые баулы с патронами, инструмент и мешки с провизией через ледяное окно в руки Анны. Затем просмоленные коробка саней со скрежетом проскользнули сквозь узкий лаз.

К шести часам утра вся их маленькая экспедиция — два человека, собака, две пары волокуш и весь запас снаряжения — оказалась по ту сторону трехметровой ледяной стены.

Они стояли в самом начале главного откаточного штрека «Объекта 402».

Андрей зажег летучую масляную лампу — старый советский ветроустойчивый фонарь с чистым стеклянным колпаком.

Мягкий, золотистый свет выхватил из абсолютного мрака монументальные контуры подземной цивилизации.

Штрек был огромным. Выработка высотой около пяти метров и шириной не менее шести уходила по прямой в самую толщу гранитного массива. Свод и стены были полностью зашиты в сплошную железобетонную тубинговую

обделку, окрашенную когда-то серой суриковой краской. По центру пола пролежала двухпутная узкоколейка с узкими стальными рельсами, покрытыми ровным налетом сухой бархатистой ржавчины.

Вдоль стен тянулись толстые пучки силовых кабелей в свинцовых и брезентовых оболочках, трубы гидравлики и оцинкованные короба принудительной вентиляции.

Здесь не было снега. Не было ветра. Не было ледяной крупы, секущей лицо.

Здесь стояла абсолютная, вечная, нерушимая тишина — тишина подземного замка, проспавшего тридцать лет под пятидесятиметровой толщиной уральского гранита.

— Боже мой... — шепотом вымолвила Анна.

Ее голос прозвучал странно: объем подземного штрека не дал привычного лесного эха, он впитал звук в сухое пространство, отдав лишь короткий, бархатистый отзвук где-то далеко в глубине массива.

Она протянула руку и коснулась сухой, прохладной поверхности бетонной стены. После сырых, промерзших лагерных барачков «Старания» и вымораживающего ветродуя гольца этот сухой, защищенный бетон казался ей самой надежной броней в мире.

Андрей опустился на колени у ледяного окна, через которое они только что проникли.

Первым делом нужно было запеленать вход.

Он не стал засыпать лаз снегом снаружи — это привлечет

внимание любого загонщика, который поднимется на голец и заглянет под бетонный козырек портала. Вместо этого он заложил лаз изнутри: установил в проем стальной лист жаровни, подпер его двумя тяжелыми сосновыми брусьями и заложил оставшиеся щели срубленными блоками сухого льда.

С внешней стороны портал по-прежнему казался абсолютно монолитной, запечатанной вековым льдом аркой. Никакой свет, никакой дым, никакой запах теперь не могли вырваться из глубин «Объекта 402» наружу.

— Все, — сказал Андрей, вытирая засаленные руки су-конкой. — Мы внутри.

Он выпрямился, взял в правую руку масляную лампу, а в левую — карабин СКС.

Джек встал у его ноги, поведя носом в сторону темного, уходящего в неизвестность коридора. Пес чувал, что впереди, за сотнями метров бетонных тубингов, лежат новые помещения, заброшенные склады, забытые горизонты и старые тайны страны, которой больше не существовало на географических картах.

— Куда ведет этот штрек? — тихо спросила Анна, придерживаясь за борт волокуш.

— На горизонт «Минус пятьдесят», — ответил Андрей, глядя на выцветшую металлическую табличку, приклепанную к тубингу у входа. — К центральному стволу жизнеобеспечения. Там должны быть сухие складские залы, вентиляционные узлы и артезианская скважина.

Он сделал первый шаг по сухим стальным шпалам узкоколейки.

Тень от его фигуры, увеличенная светом лампы до гигантских размеров, скользнула по бетонным сводам штрэка, увлекая за собой маленький отряд в самое сердце Каменного пояса.

Тень от саней ползла по рельефным тубингам свода, переламываясь на каждом стыке железобетонных колец.

Штрэк уходил в глубину массива с едва заметным уклоном — около двух градусов на каждые сто метров. Это был классический технологический дренажный уклон, предусмотренный советскими горными СНиПами для того, чтобы подземные грунтовые воды самотеком стекали к водосборнику у внешнего портала. Но за почти сорок лет брошенной жизни объекта дренажные канавки вдоль узкоколейки забились слежавшимся шламником и мелким гранитным отсевом.

Андрей шел первым, держа в правой руке карабин. Через плечо натягивался ремень головных саней, передавая на мышцы спины тяжесть двух сцепленных волокуш, а в левой руке он сжимал рукоять масляного фонаря «Летучая мышь». По сухому бетонному полу между рельсами полозья саней скользили с тихим, шуршащим звуком, похожим на шелест сухой листвы.

Анна шла следом, опираясь на выточенную из березового сука клюку.

Ее шаги были тяжелыми, неуверенными. В сухом, неподвижном воздухе подземелья звук ее дыхания казался слишком громким. Но с каждым метром, отдалявшим их от запечатанного ледяного портала, в ее движениях появлялось больше устойчивости. Главный источник ее ужаса — открытое небо, сорокаградусный ветродуй и близость загонщиков — остался снаружи, за трехметровой ледяной стеной.

Джек шел у ноги Андрея. Поведение собаки было лучшим индикатором безопасности: уши пса были чуть опущены, но нос непрерывно работал, улавливая микроскопические движения воздушных масс.

— Андрей... — тихо окликнула Анна.

— Говори, — не оборачиваясь, ответил он, не сбавляя шага.

— Почему здесь нет льда? Ведь снаружи мороз, а портал был залит наледью?

— Геотермический градиент, — Андрей приостановился, дав ей возможность поравняться с ним. — На глубине от сорока метров температура гранитной толщи Урала постоянна круглый год. Она равна средней среднегодовой температуре данного региона. Для этого района — около минус двух — минус трех градусов. Лед образуется только там, где есть приток наружного воздуха и свободная вода. Внутри этого штрека воздух застойный. Он отдал влагу на стенках у входа еще тридцать лет назад. Дальше — сухой консервант.

Он поднял фонарь выше.

Свет выхватил из темноты развилку.

Откаточный штрек расширился, образуя просторную камеру развязки. На стенах появились выцветшие трафаретные надписи, сделанные красной суриковой краской по белой грунтовке: «ГОРИЗОНТ -50», «СЕКТОР ВЕНТИЛЯЦИИ И СВЯЗИ», «ПОСТ ДЕЖУРНОГО ЭЛЕКТРОМЕХАНИКА».

Справа от узкоколейки уходила вбок глухая ниша, перекрытая массивным стальным затвором.

Это был главный защитно-герметический затвор сектора — дверь типа ЗГД-400.

Андрей подошел к двери и опустил волокуши на бетон.

Конструкция внушала уважение. Четырехсантиметровая стальная плита, усиленная снаружи ребрами жесткости и залитая изнутри тяжелым баритовым бетоном для защиты от ударной волны, была намертво вмонтирована в монолитную железобетонную раму. По периметру проема пролежала толстая жгутовая резина уплотнителя.

По центру двери располагался литой штурвал кремальерного затвора.

На штурвале и на петлях застыла густая, потемневшая от времени смазка — смесь пушечного сала и графита. Сверху на ригельном механизме висела сплюснутая свинцовая пломба с выбитым оттиском: «ОБЪЕКТ 402 / ШТАМП № 14 / 1991 г.».

Пломба была цела.

Это означало главное: с момента консервации или спешного оставления объекта в девяносто первом году в этот сектор не ступала нога человека. Здесь не было «черных копателей», не было местных искателей цветного металла, не было отрядов Игнатова.

— Мы первые за тридцать пять лет, — тихо сказал Андрей, касаясь сухой рукавицей чугунного обода штурвала.

— Ты сможешь ее открыть? — Анна подошла ближе, разглядывая монументальный стальной механизм. — Она выглядит так, будто ее заварили.

— Гермодвери не заваривают, — Андрей достал из кармана флягу с керосином, взятую еще из дома, и щедро пролил им центральную втулку кремальеры и четыре выдвижных ригеля. — Смазка под керосином размягчится за пять минут. Главное — сдвинуть штурвал с мертвой точки.

Он подождал пару минут, давая легкоходному керосину проникнуть в микроскопические зазоры между сталью и чугунной втулкой.

Затем снял суконные рукавицы, оставшись в тонких кожаных перчатках, взялся обеими руками за противоположные спицы штурвала и уперся сапогом в нижний швеллер рамы.

— Джек, назад, — скомандовал он псу.

Пес послушно отступил за сани, закрывая собой Анну.

Андрей, сделав глубокий вдох и фиксируя поясницу, вложил в проворот всю массу своего тела.

Чугунный штурвал отозвался глухим, скрежещущим сопротивлением. Старая смазка, превратившаяся за десятилетия в канифоль, неохотно поддалась.

Свинцовая пломба с сухим треском лопнула, тонкая стальная проволока перерезала мягкий металл. Ригели — четыре толстых хромированных стальных пальца диаметром с человеческое запястье — начали медленно, со скрежетом уходить из пазов рамы вовнутрь дверного полотна.

Последний ригель вышел из зацепления.

Андрей вставил в боковую щель край саперной лопатки и нажал на древко как на рычаг.

Резиновый уплотнитель, прилипший к грунтованному бетону за тридцать пять лет, оторвался с долгим, липким звуком.

Массивная трехтонная дверь медленно, плавно поворачиваясь на смазанных петлях, пошла на себя. Из образовавшегося зазора вырвалась новая струя воздуха.

Этот воздух отличался от воздуха откаточного штрека. В нем не было влаги. Он был абсолютно сухим, вымороженным, со слабым, но отчетливым подтекстом бакелитового лака, изоляции электродвигателей и сухой сосновой древесины.

Андрей перешагнул через высокий, тридцатисантиметровый комингс гермопроема и поднял фонарь.

Они оказались в технологическом блоке жизнеобеспечения дежурной смены.

Это было не просто подземное укрытие — это был автономный инженерный узел, рассчитанный на долгие месяцы существования.

Свет масляной лампы высветил небольшое, но идеально организованное помещение:

В центре стоял массивный двухтумбовый письменный стол из серого ДСП, прикрученный анкерными болтами прямо к бетонному полу. На столе покоился черный карболитовый телефонный аппарат без диска — аппарат прямой оперативной связи — и аккуратно сложенный журнал дежурств в дерматиновой обложке.

Вдоль левой стены тянулся двухъярусный ряд стальных армейских коек с панцирными сетками. На койках лежали свернутые в тугие рулоны серые байковые одеяла и матрасы в суровых бязевых чехлах. Благодаря отсутствию влаги ткань не сгнила и не покрылась плесенью — она просто промерзла, превратившись в сухой, стерильный текстиль.

Но главным открытием стал дальний угол помещения.

Там, утопленный в бетонную нишу, стоял отопительный агрегат — кустарно изготовленная, но сделанная с высоким котельным мастерством печь-«чернорабочий» из котельной стали толщиной восемь миллиметров. От печи вверх уходила стальная дымоходная труба, врезанная через шиберную заслонку прямо в отдельный тракт принудительной вентиляции объекта.

Рядом с печью ровной, идеальной поленницей лежал за-

пас сухих березовых дров объемом не менее двух кубических метров и три стальных двухсотлитровых бочки с надписью трафаретом: «УГОЛЬ ДРЕВЕСНЫЙ МАРКИ А».

— Андрей... — Анна опустилась на край нижней койки, не веря своим глазам. Она провела ладонью по байковому одеялу. — Это... это настоящее?

— Это советский Госрезерв третьей категории защищенности, — Андрей подошел к печи, открыл чугунную дверцу и посветил внутрь. — Печь сухая. Дымоход выведен в ВШ-3 — вентиляционную шахту номер три, которая выходит на южный склон горы, в густой сосняк. Если разжечь здесь огонь — дым пройдет через фильтры-поглотители и рассеется в лесу за километр отсюда. Никакой Игнатов его не увидит и не почует.

Он оглянулся на нее.

Анна сидела на койке, сжав пальцы на коленях. На ее лице, впервые за все дни их бегства, проступила не просто усталость, а глубокая, оглушающая разрядка. Организм, державшийся на пределе нервных сил исключительно за счет гормонов стресса, понял: опасности больше нет.

Ее плечи задрожали. Она опустила голову на сложенные руки и молча, судорожно зарыдала — сухими, беззвучными слезами человека, вырвавшегося из ада.

Андрей не стал ее утешать. Он знал: эти слезы необходимы. Без них замерзшая, зажата в тиски психика просто не выдержит последующей адаптации.

Он повернулся к саням, вытащил первый баул, достал из него котелок и небольшой запас чистой воды, набранной еще из куржака.

— Отдыхай, Анна, — тихо сказал он, доставая из поленницы сухое березовое полено и бересту. — Здесь тепло будет через тридцать минут. Впервые за долгое время мы не просто прячемся. Мы нашли дом.

Он чиркнул спичкой.

Золотистый огонек охватил край бересты. Сухой березовый дым с веселым, уютным пощелкиванием потянулся в стальное нутро печи. В закрытом пространстве подземного бункера зародилось первое настоящее, безопасное тепло.

Чугунные стенки печи «чернорабочего» набрали малиновый накал через двадцать минут.

Сухая береза горела ровно, без треска и копоты. Мощный естественный подсос воздуха через нижнее поддувало создавал внутри топки гулкий, густой гул — звук работающего паяльного горна. Стальная дымоходная труба, прогревшись по всей трехметровой высоте, принялась отдавать тепло сухому воздуху помещения, и температура в дежурном блоке начала стремительно расти.

Плюс пять градусов... плюс десять... плюс пятнадцать.

Вымороженные за недели бегства бетонные стены дежурки словно впитывали это долгожданное, живое тепло. Из углов комнаты начал уходить седой игольчатый иней — он таял, превращаясь в мелкие бисеринки влаги, тут же испаряв-

шейся в сухом вентиляционном потоке.

Андрей снял с себя тяжелую суконную кухлянку, оставшись в шерстяном свитере крупной вязки.

Он разложил перед печью на деревянных решетчатых трапах подсушиваться промокшие от ледяного пара валенки, портянки и верхнюю одежду. Рядом с ним, развалившись на боку и вытянув лапы к горячему чугунному боку печи, сладко и тяжело спал Джек. Пес даже не вздрагивал во сне: морозный снайперский рефлекс, державший его в непрерывном напряжении последние три дня, наконец отпустил его собачье тело.

Анна сидела на нижней койке, укрывшись сразу двумя серыми байковыми одеялами из советских запасов.

Ее лицо постепенно обретало естественный, живой цвет. Восковая, смертельная бледность уступила место мягкому румянцу — отклику расширившихся от тепла периферических сосудов. Но с притоком крови к обмороженным конечностям пришла боль. Пальцы рук и стопы калеными иглами отзывались на отопгрев.

— Не растирай, — тихо проговорил Андрей, заметив, как она пытается массажировать суконной полосой суставы рук. — Ни снегом, ни спиртом. Только сухое тепло и мазь.

Он подошел к походному баулу, вытащил аптечку и извлек из нее металлический тюбик синтомициновой эмульсии и свежие стерильные бинты.

Опустившись на колено перед ее койкой, Андрей аккурат-

но, движением опытного полевого фельдшера, размотал старые, заскорузлые повязки на ее ногах. Кожа на пятках и подушечках пальцев была багрово-синюшной, с характерным отеком первой-второй степени обморожения, но, к счастью, влажных пузырей и некроза не было. Внутренние ткани выдержали.

— Терпи, — он нанес холодную, густую мазь на поврежденные участки и наложил новую, нестягивающую сухую повязку. — Через три дня сможешь ступать на пятку без костыля.

— Спасибо... — Анна тихо вздохнула, опуская ноги обратно на байковое одеяло. Она наблюдала за его руками — уверенными, жесткими, привыкшими к любой тяжелой работе, но удивительно бережными к чужой боли. — Где мы, Андрей? Что это за место на самом деле?

Андрей поднялся, вытер руки ветошью и подошел к письменному столу дежурного.

— Это «Объект 402-Б». Пункт управления и резервный узел связи Уральского военного округа системы «Периметр». Строился с тысяча девятьсот пятьдесят седьмого по тысяча девятьсот шестьдесят четвертый год. В начале девяностых был законсервирован по программе сокращения категорийных подземных объектов. Сюда не успели завезти электронику третьего поколения, но вся база жизнеобеспечения — бетон, вентиляция, водопровод и продовольственные склады — осталась в идеальном состоянии.

Он взял со стола масляную лампу.

— Сиди здесь. Я проверю водозаборную нишу и склад НЗ. Нам нужна чистая вода.

Водозаборный узел находился в смежном бункерном блоке, за второй, более легкой герметичной дверью типа ГД-05.

Когда Андрей отжал пружинный засов и толкнул стальную створку, перед ним открылась небольшая сводчатая камера, выложенная белой глазурованной плиткой. В центре помещения из бетонного пола поднималась синяя чугунная обсадная труба диаметром двести миллиметров.

Это была артезианская скважина, уходящая в кристаллическую толщу уральских гранитов на глубину ста сорока метров.

К фланцу обсадной трубы был подключен не только электрический погружной насос ЭЦВ (давным-давно обесточенный из-за отсутствия внешнего питания), но и дублирующий механический агрегат — ручной поршневой насос марки БКФ-4 с длинным стальным рычагом-балансиром.

Андрей посветил лампой на манометр. Стрелка прибора стояла на нуле, но на фланцах не было следов разрыва от замерзания. На глубине ста сорока метров артезианская вода не замерзает никогда: ее температура всегда держится в районе плюс четырех — плюс пяти градусов по Цельсию.

Он подставил под сливной патрубок оцинкованное десятилитровое ведро, найденное у стены, взялся за дубовую рукоять балансира и сделал первый качок.

Поршень внутри чугунного цилиндра пошел вверх с сухим, тугим сопротивлением. Кожаные манжеты, высохшие за тридцать лет консервации, сначала пропускали воздух. Андрей достал из фляги полстакана принесенной с собой воды и залил ее через верхний заливной вентиль в цилиндр — для «затравки» и разбухания кожи.

Второй качок. Третий. Четвертый.

Звук работы насоса изменился: сухой стук клапанов сменился влажным, чавкающим присосом.

На седьмом качке из изогнутого латунного носка патрубка вырвался струйный толчок воздуха, а затем — с сильным, звонким всплеском — ударила густая, ледяная, абсолютно прозрачная струя воды.

Вода была с хорошим давлением. Напор мгновенно наполнил ведро до краев, брызгая на белую плитку пола.

Андрей оставил балансир, опустился на корточки и набрал воду в горсть.

Она была ледяной, обжигающей палыцы, без малейшего запаха ржавчины или болота. Это была настоящая, фильтрованная через километры гранитного массива живая артезианская вода — минерализованная, чистая, свободная от любых внешних загрязнений. Он сделал крупный глоток. Вкус был свежим, слегка сладковатым от растворенных солей кальция и кремния.

— Есть вода, — тихо проговорил Андрей, улыбнувшись впервые за последние трое суток.

Следующим этапом стала ревизия продовольственного склада НЗ — неприкосновенного запаса.

Склад представлял собой узкий двадцатиметровый подземный тоннель, заставленный вдоль стен деревянными стеллажами и оцинкованными герметичными коробами — «цинками».

Андрей методично проходил вдоль стеллажей, поднося лампу к металлическим биркам и маркировкам.

Здесь хранился стратегический резерв дежурной смены на триста суток непрерывного пребывания:

* Мясные консервы: шесть металлических ящиков по тридцать шесть банок в каждом. Классическая советская «Говядина тушеная» (ГОСТ 5284-56, Орский мясокомбинат, выпуск 1989 года). Банки были покрыты густым слоем защитной смазки — технического вазелина. Ни малейшего следа вздутия (бомбажа) или сквозной коррозии.

* Бакалея и углеводы: четыре фанерных ящика с армейскими галетами «Поход» в промасленной бумаге, два запечатанных цинка с гречневой и ячневой крупой, а также сорокакилограммовый мешок с каменной солью крупного помола.

* Жиры и высококалорийные добавки: два десятилитровых жестяных бидона с вытопленным свиным смальцем и запечатанная суриком банка с сухим молоком.

* Автономное освещение и инструмент: ящик с парафиновыми свечами (около двухсот штук), пять банок комплекс-

ной смазки, три запасных стеклянных колпака для масляных ламп, два плотницких топора, две двуручные пилы и комплект слесарного инструмента в брезентовой скрутке.

Андрей провел быстрый инженерный расчет.

Даже без учета их собственных принесенных на волокушах запасов, только найденного на складе НЗ продовольствия и топлива двум людям и собаке хватило бы на полтора года безвылазного существования под землей. При этом физиологическая норма — не менее двух с половиной тысяч килокалорий на человека в сутки — закрывалась полностью.

Он взял с полки две банки тушеной говядины, пачку галет и плотный брикет сухой заварки краснодарского чая.

Вернувшись в дежурный блок, Андрей застал картину полного умиротворения.

Печь отдавала стабильный, ровный жар. В комнате установилась комфортная температура плюс восемнадцать градусов. Анна, сняв тяжелую верхнюю одежду, сидела на койке, прислонившись спиной к теплой оштукатуренной стене, и наблюдала за огнем через открытое поддувало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.